

О ЗАСЕЛЕНИИ БАССЕЙНА Р. СОЖ В ПОЗДНЕЛЕДНИКОВОЕ ВРЕМЯ

Бассейн р. Сож территориально охватывает современные восточные районы Могилевской и Гомельской областей Республики Беларусь и запад Смоленской и Брянской областей Российской Федерации. Эта территория, площадью водосбора в 41,2 тыс. кв. м, характеризуется развитой речной системой, представленной главными водными артериями — р. Сож с притоками Вихра, Волчас, Проня (справа), Хмара, Остер, Ипать, Беседь, (слева). Основная часть посожского региона приурочена к зандровой равнине с холмистым рельефом водноледникового происхождения (Ландшафты Белоруссии, 1989. С. 209–214). Нижнее течение Сожа, южнее линии Гомель — Ветка, находится в пределах Полесской низменности, характеризующейся заболоченными ландшафтами со множеством эоловых образований (Там же. С. 244–245). Специфика региона определяется широким распространением мелового кремня, залегающего относительно неглубоко и встречающегося в обнажениях речной террасы в виде россыпей. Такое геоморфологическое положение Посожья стало определяющим фактором на пути освоения его территории в каменном веке и в некоторой степени определило своеобразие кремневого инвентаря отдельных памятников, топографически приуроченных к выходам сырья.

Настоящая статья предлагает дать краткую характеристику материалам, которые связаны с проблемой заселения рассматриваемого региона в позднеледниковую эпоху (14–10 тыс. лет назад), то есть времени, когда на фоне глобальных изменений климата, вызванных началом отступления последнего ледника, происходит трансформация культуры позднепалеолитических охотников. Эти изменения закономерно были связаны с исчезновением мамонтового фаунистического комплекса и широким распространением популяции северного оленя, которая ознаменовала целую эпоху сезонных миграций древнего населения и стимулировала появление новых способов ведения охотничьего хозяйства, основанного на использовании дистанционного вида оружия — лука и стрел.

В историографии каменного века бассейна р. Сож сведения о финальном палеолите стали известны сравнительно недавно (Колосов, 2008; 2009а; 2009б; 2010). Единственным памятником, материалы которого датировались позднеледниковым временем или ранним голоценом, была Гренская стоянка (Будько, 1966. С. 35–46; Копытин, 1992. С. 32–38; Ксензов, 1997. С. 10). Это в определенной мере формировало мнение об окончательном заселении Посожья только после окончания ледниковой эпохи. Отдельные исследователи и вовсе считали, что бассейн р. Сож мог быть освоен лишь в конце мезолитического времени (Ксензов, 1997. С. 15). Естественно, пограничное положение Сожа между двумя крупными водными артериями — Днепром и Десной, где финальный палеолит сегодня достаточно хорошо изучен, не учитывалось. В стороне оставались и представления о геоморфологии посожского региона, характеризующегося, как было отмечено ранее, широким распространением и легкой доступностью кремневого сырья — неперемного условия эйкуменизации отмеченной территории в каменном веке. Новые материалы, полученные автором статьи по финальному палеолиту бассейна р. Сож, позволяют сегодня выразить свое отношение на проблему культурной адаптации рассматриваемого региона в позднеледниковое время и отказаться от прежнего мнения о его освоении только на мезолитическом этапе.

Основой для написания работы стало изучение многочисленных коллекций посожских стоянок, хранящихся в фондах Могилевского областного краеведческого музея им. Е. Рома-

нова, государственного историко-культурного учреждения «Гомельский дворцово-парковый ансамбль», фондохранилищах Института истории НАН Беларуси, археологической лаборатории им. В. Копытина Могилевского госуниверситета им. А. Кулешова. Для решения отдельных проблем статьи были использованы отчетные материалы, хранящиеся в архиве археологической научной документации Института истории и личном архиве В. Копытина.

В связи с этим автор своим долгом считает выразить глубокую признательность доктору исторических наук, профессору Е. Калечиц, позволившей использовать материалы ее полевых исследований при написании работы. Мы также искренне благодарны Г. Копытиной и О. Колеснёвой, которые предоставили возможность воспользоваться данными из личного архива В. Копытина.

Технокомплексы с листовидными и черешковыми наконечниками стрел

В бассейне р. Сож в настоящее время зафиксировано около 60 местонахождений эпохи финального палеолита (рис. 1–3). Основная их часть представлена поверхностными сборами с разновременных поселений, что, естественно, затрудняет разработку вопроса культурно-хронологического плана. В свете новых данных можно констатировать, что финальный палеолит рассматриваемой территории проявляет заметную поликультурность. При выделении финальнопалеолитических комплексов мы руководствовались результатами сравнительного типолого-технологического анализа, учитывавшего культурную специфику в способах первичной обработки камня и изготовления орудий труда, в частности, наконечников стрел, что позволило нам выделить некоторые группы памятников.

В первую группу мы объединили материалы стоянок, которые условно отнесены нами к технокомплексам с листовидными и черешковыми наконечниками стрел (25 местонахождений) (рис. 1): Баков-1, 1А, 3, Борисовичи-1, 3, Вознесенск, Ворновка (Подмосковщина), Горки, Дяговичи, Кленки-2, 5, 6, 7, Лобковичи, Осовцы-4 (Уза), Остров-1, 2, Первокричевский-3, Покиды-1, 5, Романовичи-1, Рудня-1 (Климовичский р-н), Чемерня, Чериков-5, 8.

Судя по морфологии нуклеусов и полученных с них сколов, техника расщепления кремня на этих стоянках была основана преимущественно на монофронтальном скалывании заготовок крупных размеров (пластин или пластинчатых отщепов) с помощью каменного отбойника. Нуклеусы представлены массивными одно- и двухплощадочными формами, имеют гладкую ударную площадку, скошенную под углом 80–90°. Группа сколов характеризуется отсутствием выраженной морфологии, преобладанием коротких, широких и толстых форм.

Наконечники стрел изготовлены на пластинах с четко выделенным со стороны спинки толстым черешком коротких или длинных пропорций без дополнительной вентральной подправки. Отдельные экземпляры напоминают известный в литературе тип лингби (Кленки-5, Первокричевский-3 и Чемерня).

На стоянке Первокричевский-3 обнаружен фрагмент черешковой части наконечника стрелы, имеющего толстый и длинный, вытянутый по оси изделия черешок, который выделен крутой ретушью со стороны спинки (рис. 13: 3). Изделие покрыто легкой патиной голубоватого цвета. Орудийный комплекс стоянки дополняется также скребками, ретушными и двугранными резцами, проколами, а также серий пластин и пластинчатых отщепов, дистальный конец которых подправлен мелкой дорсальной ретушью (рис. 13: 4–20).

Отдельного внимания заслуживают материалы стоянки Вознесенск. Интерес к данному местонахождению возник после знакомства с коллекцией находок, полученных в итоге поверхностных сборов экспедицией В. Копытина в 1995 г. (Копытин, 1998. С. 85) Основная часть артефактов представлена многочисленными одно- и двухплощадочными нуклеусами массивных размеров, отщепами и пластинами, что может свидетельствовать о наличии на стоянке мастерской по обработке кремня. Орудийный комплекс характеризуется находками скребков, резцов, ретушеров, проколов и острий, изделий с выемкой, грубых топоров. Поверхность отдельных предметов покрыта патиной белого и молочного цветов.

Интерес вызывает и топография стоянки. Памятник расположен на высокой 10–12-метровой террасе, у подножия которой протекает ручей, впадающий слева в р. Лобжанка (левый приток Сожа). Местонахождение расположено в 9 км юго-восточнее Первокричевского поселения

и русла р. Сож. В 2008 г. памятник был повторно обследован автором статьи (Колосов, 2009а. С. 115). На момент изучения терраса, поверхность которой до этого распахивалась, густо поросла травой, что не дало возможности полноценно собрать подъемный материал. Единственными находками, случайно обнаруженными на свободных от растительности участках поля, являются одноплощадочный нуклеус, шесть отщепов и одна пластина, наконечник стрелы. Последний предмет изготовлен на крупном отщепе и относится к числу атипичных изделий культуры черешковых наконечников финального палеолита. Насад наконечника четко выделен полукрутой ударной ретушью со стороны спинки. По периметру изделие обработано такой же ретушью со стороны брюшка.

Ближайшее сходство первая группа местонахождений обнаруживает среди материалов стоянок Аносово (Гурина, 1972. С. 244–251), Берестеново (Ксензов, 2006. С. 16–39), Подол-3 (Синицына, 2008. С. 165–166), Красносельский-5 (Чарняўскі, Кудрашоў, Ліпніцкая, 1996. С. 56–61, 120–124), Волкуш-3 и 5 (Szymczak, 1995. S. 22, 27, 32–33, 41–44). Указанные памятники датируют в пределах аллереда — позднего дриаса, что не исключает присутствия более ранних по времени стоянок финального палеолита в Посожье. Отдельные формы орудий труда и наконечников стрел встречаются также среди отдельных гренских стоянок — Коромка и Хвойная (Копытин, 1992. С. 18–27, 67–68, рис. 3–4).

Увы, конкретизировать культурную принадлежность рассмотренных выше памятников в настоящее время невозможно, хотя заметно некоторое их сходство с культурой броммелинги. Особенно это отчетливо проявляется в формах черешковых наконечников стрел. Однако напрямую связать находки этих наконечников, как и всей рассматриваемой группы памятников, с культурной традицией броммелинги мы не можем. Поскольку основная часть коллекций представлена поверхностными сборами с разновременных поселений, присутствие в Посожье памятников лингбийской культуры требует привлечения надежной источниковедческой базы. Поэтому правильное всего материалы стоянок первой группы пока следует объединять под общим названием «культура с листовидными и черешковыми наконечниками стрел» до выяснения действительной картины происхождения ее технокомплекса. Но если культурно-хронологическое определение этой группы стоянок, безусловно, ожидает своего специального исследования, то материалы следующих памятников отчетливо отражают специфику конкретных культурных явлений в Посожье.

Гренская культура

Гренская культура свое название получила по стоянке в урочище Гренск, расположенном на правом берегу р. Сож, на восток от д. Ворновка Кормянского района Гомельской области. Научное обоснование это культурное явление получило после работ В. Будько (1962; 1966), который собственно и выделил культуру, В. Ксензова (1988; 1994б; 1997; 1999; 2006), В. Копытина (1992; 1999; 2000; 2005), Е. Калечиц (1987; 2003). Проблема развития гренских древностей затрагивалась также в работах Л. Зализняка (1989; 1999; 2005), А. Кравцова и А. Сорокина (1991), А. Кравцова (Kravtsov, 1999), А. Сорокина (2002; 2004; 2006; Сорокин, Ошибкина, Трусков, 2009), Г. Синицыной (2008), К. Шимчака (Szymczak, 1995), С. Козловского (Kozłowski, 1999), З. Сульгустовски (Sulgostowska, 2005) и др.

Основная часть гренских стоянок концентрируется на территории Восточной Беларуси. В Посожье гренская культура представлена коллекциями десяти местонахождений (рис. 2), основная часть которых получена путем поверхностных сборов: Ворновка (Гренск), Гайковка (Печенеж), Гронов-1, Журавель, Литвиновичи (Телец), Подлужье-3, Поклады-2, Пролетарский-1А, Рудня (Славгородский р-н), Турищевичи (рис. 9–11). И только четыре стоянки этой культуры исследованы стационарно: Ворновка (Гренск) (Будько, 1966; Копытин, 1992. С. 32–48; 1994) (рис. 4), Журавель (Копытин, 1986) (рис. 5–6), Гайковка (Печенеж) (Копытин, 1973. С. 301–304, 310–312; 1975) и Поклады-2 (Колосов, 2005б. С. 16–25) (рис. 7–8).

Кремневая индустрия гренской культуры базировалась на использовании местных месторождений сырья — мелового кремня серого цвета. Его отличительной особенностью является наличие различных по характеру включений мела и других веществ органического и неоргани-

ческого происхождения, что не могло отразиться на качестве сырья и в процессе расщепления становилось причиной естественного брака.

Не меньшую роль в развитии гренской индустрии сыграл фактор доступности кремневого сырья. Основная часть гренских поселений приурочена к местам поверхностного распространения меловых пород с богатыми запасами кремня. В связи с этим кремневый инвентарь гренских стоянок, особенно расположенных на «сырье», характеризуется наличием желваков кремня, на поверхности которых сохраняются негативы двух-трех бессистемно нанесенных сколов, большим количеством отходов производства (до 80%). В орудийной деятельности наблюдается очевидное стремление к использованию естественно расколотых осколков кремня.

Начальным этапом в процессе расщепления кремня являлось создание пренуклеуса, которое сводилось к формированию ударной площадки поперечным усечением конкреции. Для этих целей преимущественно подбирались уплощенные желваки овальной формы, размеры которых в среднем достигали 50–80 мм в длину, 30–50 мм в ширину и 30–50 мм в толщину. С созданной ударной площадки делался первый продольный скол, который формировал плоскость расщепления и давал возможность провести новые снятия.

В отдельных случаях скалывание заготовок могло осуществляться и без предварительной подготовки ударной зоны. В коллекциях стоянок Гренск, Журавель и Печенеж имеются нуклеусы, ударной площадкой которых являлась естественная (корочная) поверхность. В свою очередь сколы, полученные с таких нуклеусов, на проксимальных концах сохраняют рудименты такой поверхности.

Техника расщепления была основана на принципе параллельного снятия заготовок с одной скалывающей поверхности, которая постепенно переходила на боковые стороны нуклеуса до полной его утилизации. Среди нуклеусов преобладают одноплощадочные ядрища (40–60%) при незначительном количестве двухплощадочных экземпляров. Немногочисленные группы образуют нуклеусы трехплощадочной формы (Гренск), дисковидные нуклеусы с радиальным скалыванием заготовок (Печенеж) и многоплощадочные ядрища.

Однако, несмотря на такое типологическое разнообразие нуклеусов, идея монофронтального скалывания заготовок в гренской культуре является доминирующей. Сами нуклеусы характеризуются широкой плоскостью расщепления, которая позволяла получать от двух до пяти сколов. Контрфронт остаточных ядрищ в 60–80% случаях не оформлен и сохраняет желвачную корку.

Ударные площадки нуклеусов преимущественно имеют гладкую поверхность. В процессе расщепления она могла подправляться двумя-тремя поперечными сколами или полностью переоформляться. Угол скалывания заготовок варьировал в пределах 55–90°, в среднем — 80–85°. Следов обработки кромки ударной площадки не наблюдается, и она выступает над плоскостью расщепления.

Для гренской культуры характерно использование техники твердого удара, о чем свидетельствуют находки кремневых отбойников (Гренск, Журавель, Поклады-2) и морфология сколов. Базовыми заготовками для орудий труда являлись отщепы и пластинчатые отщепы, реже пластины неправильной огранки. На проксимальных концах сколов сохраняется выразительный ударный бугорок и рудименты широкой, гладкой, в отдельных случаях корочной, поверхности ударной площадки. На основной части заготовок заметна рельефность ударной волны. Следы предварительного редуцирования кромки ударной площадки нуклеуса отсутствуют.

Отщепы характеризуются короткими, узкими (50–60%) и широкими (35–40%) формами. Индекс массивности пластин, количественно уступающих отщепам в 3–5 раз, соответствует тонким (около 50–60%) и толстым (30–40%) сколам. Поверхность спинки 40–60% отщепов и пластин сохраняет желвачную корку.

Во вторичной обработке гренским населением широко использовались: крутое и полукрутое ретуширование заготовок, направленное на изменение ее формы, техника резцового скола, оббивка. Если руководствоваться данными статистического анализа всех материалов на памятниках гренской культуры в Посожье, то мы можем указать, что среди орудий труда доминирующее положение занимают скребки разнообразных форм: концевые (преобладают), двойные, округлые, стрельчатые, с «шипом». Второй по количеству группой находок являются резцы. Среди них наиболее распространенным типом являются изделия с ретушированной

площадкой скола, резцы на сломе заготовки, двугранные и комбинированные резцы. Комплексы гренских стоянок дополняются изделиями с выемкой; угловыми и срединными проколками; симметричными и ассиметричными острями, отдельные из которых имеют клювовидное окончание; пластинами со скошенными ретушью концом; пластинами с притупленным краем; рубящими орудиями в виде клиновидных топоров, обработанных путем оббивки и топориков с перехватом.

Однако связать массовые категории кремневого инвентаря (скребки, резцы, проколки, изделия с выемкой и др.) с гренским технокомплексом в силу смешанности материалов на основной части памятников и устойчивости форм этих орудий на протяжении каменного и бронзового веков не представляется возможным.

Определяющей группой находок для памятников гренской культуры являются наконечники стрел. Они представлены двумя основными группами: черешковыми и ассиметрично-черешковыми наконечниками с противоположной боковой выемкой (так называемый «гренский тип»). По способам оформления пера и насада группа черешковых наконечников проявляет заметную вариабельность. Так, выделяется тип простых черешковых наконечников на пластинчатой заготовке с естественным пером конвергентной формы. Острия отдельных наконечников подправлены крутой или полукрутой ретушью и, в зависимости от ее расположения, выделяются следующие варианты: ретушь нанесена только со стороны спинки или располагается исключительно со стороны брюшка, ретушь является противолежащей. Перо отдельных наконечников могло быть скошено и дополнительно подправлено резцовым сколом. Последний вариант наконечников со скошенным пером напоминает известный в литературе «аренбургский тип» предметов вооружения, но отличается от него расположением пера в дистальной части пластинчатой заготовки.

Свое разнообразие черешковые наконечники проявляют и в оформлении насада. Наиболее характерной чертой этой группы изделий является выделение черешка крутой или полукрутой ретушью со стороны спинки. Черешковая часть формировалась на проксимальном конце заготовки. Основа черешка в отдельных случаях могла быть сломанной или ретушированной, что сближает эти варианты наконечников с волкушанскими аналогами северо-восточной Польши и западной Беларуси (Абухоўскі, 2003; Obuchowski, 2009; Szymczak, 1995. S. 31–48). Имеются также наконечники, черешковая часть которых сформирована противолежащей ретушью. Насад отдельных предметов вооружения образован полукрутой ретушью со стороны брюшка (Гренск, Журавель).

Группу ассиметрично-черешковых наконечников с боковой выемкой объединяют следующие черты: одна сторона заготовки полностью ретуширована под углом 70–90°, противоположный край в черешковой части подчеркивается выемкой. Изделия имеют клиновидное сечение и характеризуются более устойчивыми формами. В. Копытин отмечал технологическую связь между морфологией заготовки, способами ее вторичной обработки и самой формой ассиметрично-черешковых наконечников (Копытин, 2000. С. 42–43). Последние, по мнению исследователя, должны были обеспечивать нанесение колюще-режущей раны (Копытин, 2000. С. 43). Функциональное изучение этой группы предметов показывает, что они использовались не только в качестве наконечников стрел, но и как вкладыши для охотничьего вооружения (Кольцов, 1972. С. 89–90; Кравцов, Жилин, 1995. С. 135–147). На отдельных наконечниках с боковой выемкой обнаружены следы от прокалывания шкуры (Поплевко, 2007. С. 202–211. Таб. XLVI).

По типу заготовки среди ассиметрично-черешковых наконечников выделяются экземпляры на отщепах и пластинах. Черешковая часть наконечников может находиться как на проксимальном, так и на дистальном конце заготовки. По форме пера выделяются наконечники с прямым и дугообразным краем.

Некоторое типологическое своеобразие имеют ассиметрично-черешковые наконечники, для которых в качестве заготовки использовалась пластина удлиненных пропорций. Одна из боковых латералей пластины полностью притуплялась полукрутой ретушью, а противоположная ее грань подчеркивалась выемкой, которая наносилась на 1/3 или 1/2 длины заготовки. По своей форме наконечники на пластинах занимают промежуточное положение между ассимет-

рично-черешковыми и черешковыми наконечниками. При этом основа таких наконечников могла быть специально сломана или обработана ретушью.

Отдельную группу образуют наконечники, черешок которых дополнительно обработан плоской вентральной ретушью. Они встречаются как среди черешковых (особенно изделий со скошенным пером), так и ассиметрично-черешковых наконечников с боковой выемкой (Гренск). Подобные формы предметов вооружения относят к числу гибридных (Сорокин, 2002. С. 132–150; Butrimas, Ostrauskas, 1999. Р. 267–270, fig. 4). Считается, что они сочетают в себе черты традиций кремнеобработки несвидерской, в нашем случае, гренской культуры (форма наконечника) и свидерской (прием плоской подтески черешка).

Однако происхождение так называемых «гибридных» форм наконечников остается дискуссионным. Во-первых, такие наконечники представлены единичными экземплярами и, подправку черешка плоской ретушью в данном случае можно рассматривать как случайность. Во-вторых, нельзя исключать вариант самостоятельного возникновения способа плоского ретуширования черешковой части наконечников, не характерного, подчеркиваем, для гренской культуры в целом. Для гренских наконечников наиболее характерным был прием поперечного усечения выступающего ударного бугорка одним-двумя и более однонаправленными сколами, что непременно вело к утончению базальной части черешка. В этом, на наш взгляд, видится некоторое отличие от классических свидерских способов обработки черешковой части наконечников плоской вентральной ретушью — более аккуратной и выдержанной, чем «гренская».

Рассматривая контекст гренской культуры, нельзя обойти вниманием сведения о жилищно-хозяйственных объектах ее памятников. Плохая сохранность органики в культурных отложениях гренских стоянок, которые включены в песчаный слой почвы, создает проблемы в изучении поселенческой структуры этого культурного явления, характера хозяйственного освоения бассейна р. Сож гренским населением на рубеже плейстоцена — начала голоцена. В настоящее время в Посожье можно указать только два пункта гренской культуры, на которых зафиксированы остатки хозяйственных объектов — Гренск (Будько, дневник за 1959 г.; отчет за 1960–1961, л. 11–41; отчет за 1961 г.; Будько, 1966. С. 35–46) и Поклады-2 (Колосов, 2005б. С. 16–25). Еще одна структура в виде остатков округлого жилища с очагом найдена в Поднепровье (Лудчица) (Копытин, 1992. С. 38–40, рис. 9).

Первые сведения о существовании каких-либо объектов на памятниках гренской культуры были получены В. Будько в 1959 г. на стоянке Гренск. В частности, исследователем отмечалась находка остатков очага (или очагов?), вокруг которого концентрировалась огромное количество расщепленного кремня, древесного и костного угля (Будько, Дневник за 1959 г.; Будько, Отчет за 1960–1961, л. 11–41; Отчет за 1961 г.; 1966. С. 35–46). К сожалению, попытки В. Копытина, продолжавшего исследования Гренской стоянки в 1970–1980-е гг., установить наличие и количество объектов в Гренске не увенчались успехом (Копытин, 1992. С. 32–38; 1994. С. 34–59).

Остатки подокруглого столба ($0,26 \times 0,35 \times 0,12$ м) и очага ($0,45 \times 0,50 \times 0,08$ м), зачищенных на глубине 0,48 м от дневной поверхности, были исследованы во время раскопок стоянки Поклады-2 в Среднем Посожье (Колосов, 2005б. С. 16–25). Южнее этих объектов на глубине 0,78 м был изучен еще один очаг овальной формы, похожей на цифру «восемь», размером $1,06 \times 0,62 \times 0,10$ – $0,20$ м.

Вопросы происхождения и хронологии памятников гренской культуры остаются во многом не решенными, что неоднократно подчеркивалось в литературе (Залізняк, 1999. С. 223; Калечиц, 1987. С. 117–119; 2003. С. 44–72; Копытин, 1992. С. 57). Впервые вопрос о генезисе гренской культуры был поставлен В. Будько (1966. С. 35–44). Формирование своей «свидерско-гренской культуры» он связывал с традициями «костенковско-авдиевской, елисеевической, юдиновской, тимоновской» позднепалеолитических культур (Будько, 1966. С. 42). Однако это предположение не имело под собой надежной фактологической базы и сразу вызвало соответствующую критику со стороны исследователей (Археалогія Беларусі, 1997. С. 39–40; Копытин, 1992. С. 11; 2000; Ксензов, 2006. С. 16–36; Формозов, 1975. С. 85–89).

На современном этапе историографии существует несколько гипотез относительно генезиса гренской культуры, которые с точки зрения методологии науки можно объединить в две

большие группы: миграционного и автохтонного происхождения. Сторонниками первой группы ученых являются украинский археолог Л. Зализняк и отечественный исследователь В. Ксензов (Зализняк, 1989; Зализняк, 1999; 2005; Ксензов, 1988; 1997. С. 7–11; 2006). При этом развитие представлений о генезисе гренской культуры последнего ученого шло параллельно с идеями Л. Зализняка.

Гренские памятники Л. Зализняк объединяет в рамках выделенной им красносельской культуры, происхождение которой выводится из традиций культуры восточного лингби. По мнению исследователя, во время аллередского потепления и в начале позднего дриаса лингбийское население в результате миграций смогло освоить обширную территорию: от бассейна р. Одер до верховьев Волги (Зализняк, 2005. С. 44–51). Часть лингбийских охотников, мигрировавших на юго-восток, стала той генетической основой, на которой впоследствии сформировалась красносельская культура. Территориально эта культура охватывала верхнее течение Немана, Припятское Полесье и Верхнее Поднепровье. Главным аргументом Л. Зализняка в подобных культурологических реконструкциях является наличие в красносельских (в том числе, и гренских) комплексах наконечников типа лингби (Зализняк, 2005. С. 44–49).

Мнение Л. Зализняка относительно генезиса гренской культуры, как отмечалось выше, разделял В. Ксензов (1988. С. 48–52; 1997. С. 7–11; 1999. С. 229–239; 2006. С. 16–39). Руководствуясь формами наконечников стрел, В. Ксензов происхождение гренской культуры вначале рассматривал в контексте развития аренбургских традиций (Ксензов, 1988. С. 48–52), а несколько позже — лингбийских (Ксензов, 1997. С. 7–11; 1999. С. 229–239; 2006. С. 16–39).

По мнению В. Ксенова, предшествующими гренской культуре были стоянки Аносово и Берестеново на Верхнем Днепре. Материалы этих памятников связывались с традициями культуры лингби, которая, по версии исследователя, стала «непосредственной генетической основой гренской культуры» (Ксензов, 2006. С. 16–39). Одним из главных направлений миграционных потоков лингбийского населения в Верхнее Поднепровье, по мнению В. Ксенова, был западный. Доказательством «западного» происхождения ранних комплексов гренской культуры являлось сходство форм черешковых наконечников стрел, известных среди лингбийских памятников на территории Понеманья и Припятского Полесья (Ксензов, 1997. С. 11; 2006. С. 36).

Другой взгляд на генезис гренской культуры выразил в своих работах В. Копытин (1992; 1999; 2000; 2005). В. Копытин и сторонники его взглядов принадлежат к группе ученых, которые придерживаются концепции автохтонного происхождения гренских древностей. Так, гренское население, по мнению этого исследователя, являлось прямым генетическим потомком мезинских культурных традиций позднего палеолита. Выводы В. Копытина основывались на анализе всех типологических форм кремневого инвентаря памятников гренской культуры, в результате чего удалось обнаружить «поразительное сходство» мезинских и гренских традиций в обработке кремня (Археологія Беларусі, 1997. С. 39–55; Копытин, 1992. С. 10–27; 1999. С. 257–261; 2000; 2005). Тем самым отрицалась возможность формирования гренской культуры на базе лингбийской. Распространение же черешковых наконечников стрел, так похожих по своей форме на лингбийские, объяснялось В. Копытиным конвергентным развитием финально-палеолитических культур Восточной Европы, оказавшихся в сходной экологической ситуации (Копытин, 2000. С. 134–135).

Позиции В. Копытина на генезис гренской культуры разделяет Е. Калечиц, но считает необходимым обратить внимание на поиски местного субстрата и возможную связь гренских с традициями Бердыжа, что подкрепляется более поздней датой², полученной для этого верхнепалеолитического памятника Восточной Беларуси (Калечиц, 2003. С. 54).

Аналогичное мнение о возможной связи гренской культуры с поздним палеолитом Русской равнины в свое время выразил В. Будько, который видел преемственность в формах черешковых наконечников стрел ранней группы стоянок гренской культуры и наконечников с боковой выемкой костенковско-авдеевской культуры (Будько, Сорокина, 1969. С. 135).

Идеи автохтонного происхождения и развития гренских древностей придерживается Г. Синицына (2008. С. 168–170). Гренская культура, по мнению исследовательницы, является

² Имеется в виду дата 15100±250 лет (ОхА-716).

ярким примером развития местных традиций единого позднемадленского культурного пространства, которое сложилось на территории Верхнего Поднепровья на рубеже плейстоцена — голоцена. Этот факт подкрепляется не только представлениями о специфике кремневого инвентаря гренской культуры, который, по мнению Г. Сеницыной, заметно отличается от технокомплекса бромме-лингби, но и естественнонаучными датами, полученными для финальнопалеолитических памятников Валдайской возвышенности, о чем будет сказано ниже.

Само решение «гренского вопроса» упирается в отсутствие памятников, имеющих выраженную стратиграфию и характеризующихся «чистыми» и представительными комплексами вещевого материала. Следовательно, все возможные рассуждения о роли того или иного генетического компонента в сложении гренской культуры будут всегда иметь предварительный характер. Как впрочем, не менее дискуссионной для гренска является и хронология.

В этом отношении, за неимением абсолютных дат для гренской культуры, мнений на проблему определения ее временных рамок много и каждое из них базируется, в первую очередь, на результатах сравнительного и, преимущественно, типологического анализа кремневых комплексов. Первая хронологическая схема для гренской культуры была предложена В. Будько (1966. С. 35–46). За основу были взяты данные по стоянкам Гренск, Подлужье и Коромка. Стратиграфические наблюдения и представление об эволюционном развитии форм орудий труда этих памятников позволили В. Будько выделить три хронологических этапа в развитии «свидерско-гренской культуры». Памятники первого этапа им датировались ранним дриасом. Второй этап определялся временем не позднее беллингского интерстадиала, третий приходился на аллеред (Там же. С. 35–46). Однако позднейшие исследования гренских стоянок обнаружили ошибочность взглядов В. Будько на проблему развития культуры и показали невозможность их применения для хронологических построений (Археалогія Беларусі, 1997. С. 39–55; Копытин, 1992. С. 10–27, 32–47; Ксензов, 2006. С. 23–25).

В. Копытин выделял две хронологические группы памятников гренской культуры (Археалогія Беларусі, 1997. С. 39–55; Копытин, 1992. С. 10–27, 32–47). В первую группу он включил стоянки Боровка, Коромка и Хвойная, и датировал их финальным палеолитом (12–10 тыс. лет назад). Вторая хронологическая группа была представлена стоянками Гренск, Могилевская, Лудчицы, Чигиринка и относилась к раннему мезолиту (10–8 тыс. лет назад). Такое хронологическое деление материалов гренской культуры, по мнению В. Копытина, было обосновано особенностями топографии стоянок: «все памятники раннего мезолита расположены ниже 150 м над уровнем моря» (Археалогія Беларусі, 1997. С. 46), что не подтверждается современными научными исследованиями. Граница между комплексами финального палеолита и раннего мезолита В. Копытиным проводилась условно и строилась на представлении об эволюционном развитии техники расщепления кремня и отдельных форм орудий труда (Археалогія Беларусі, 1997. С. 45–46; Копытин, 1992. С. 32).

Е. Калечиц, разделяя в целом взгляды В. Копытина на хронологию гренской культуры, с учетом данных палеогеографии предлагает удревнить ее на два-три тысячелетия, поскольку «территория Восточной Беларуси южнее Оршы могла быть обжита практически весь период позднеледниковья, даже с 15 тысячелетия, когда ледник окончательно покинул границы Беларуси» (Калечиц, 2003. С. 53).

С учетом новых геомагнитных датировок для памятников финального палеолита Валдайской возвышенности, отдельные из которых проявляют типологическое сходство со стоянками гренской культуры (Вышегора-1), Г. Сеницына предлагает «вернуться к точке зрения В. Д. Будько, который датировал среднюю группу гренской культуры временем не ранее беллинга и не позднее аллереда, т. е. 12,7–1,8 т. л. н., что согласуется с определением возраста погребенной почвы на стоянке Вышегора I» (Сеницына, 2008. С. 170).

Безусловно, материалы Г. Сеницыной открывают новые перспективы в решении проблем генезиса и хронологии гренской культуры, характера культурно-исторических связей населения Верхнего Поднепровья в конце ледниковой эпохи. Однако следует помнить, что выводы В. Будько относительно хронологии выделенной им «свидерско-гренской культуры» строились на некорректной системе критики источников (Копытин, 1994. С. 34–59), поэтому нет никакой

необходимости накладывать абсолютные даты, полученные для памятников Валдая, на хронологическую схему В. Будько.

Л. Зализняк, рассматривая хронологию и периодизацию красносельской культуры, определил время развития ее кремневой индустрии поздним дриасом (Зализняк, 2005. С. 46–51). Он считает, что в конце аллередского потепления и в начале позднедриасового похолодания отмечается трансформация памятников восточного лингби в красносельскую культуру. Последняя в начале пребореала стала основой формирования иеневских и песочноровских древностей (Зализняк, 1999. С. 96–101; 2005. С. 46–51, 62). Переходными от красносельской к иеневской и песочноровской культурам, по мнению Л. Зализняка, являются верхнеднепровские памятники типа Боровка.

Концом финального палеолита и мезолитом датировал гренскую культуру В. Ксензов (1988. С. 48–52; 1997. С. 7–11; 2006. С. 29–31). В качестве хронологических реперов В. Ксензов использовал понятие об изменчивости форм орудий труда, скребково-резцовый показатель, наличие или отсутствие в составе коллекций геометрических микролитов — трапеций. Это позволило в развитии культуры выделить три хронологических этапа. Первый этап, по мнению В. Ксензова, приходился на поздний дриас (10800–10300 лет назад) и характеризовался материалами стоянок Аносово, Берестеново, Лудчицы и, возможно, Коромка. Второй этап датировался пребореалом — бореальным периодом (10300–8000 лет назад) и объединял стоянки Боровка, Орша-1, Гренск, Гута-1, Журавель, Песчаница и Хвойная. Третья хронологическая группа относилась к атлантическому времени (8000–7000 лет назад) и определялась материалами стоянок Рекорд, Речица-2 и Чижовка. Таким образом, посожские стоянки Гренск и Журавель относились к раннему мезолиту.

Однако такая схема временного развития гренской культуры не нашла поддержки среди отечественных исследователей (Археологія Беларусі, 1997. С. 52; Калечиц, 2003. С. 47; Копытин, 1992. С. 12; 2000. С. 133), так как возраст некоторых гренских стоянок, определенных В. Ксензовым, не соответствовал реальной палеогеографической ситуации. Дискуссионным остается датирование отдельных памятников гренской культуры поздним мезолитом только на основании факта присутствия в коллекции трапеций. Действительно, высокие и средневысокие трапеции сопровождают кремневый инвентарь стоянок Рекорд и Речица-2. Но сами коллекции этих памятников созданы в результате поверхностных сборов. В них кроме гренских имеются материалы некоторых мезолитических и неолитических культур. Например, в кремневом инвентаре Речицы-2 вместе с гренским содержится выразительный комплекс находок кудлаевской культуры эпохи мезолита. Поэтому присутствие трапеций не является надежным показателем «позднемезолитичности» гренской культуры, поскольку относятся к числу кудлаевских находок, что признавал и сам В. Ксензов (1988. С. 105–110; 1994б. С. 16, 25). Более того, коллекции стоянок Речица-2, Рекорд и Чижовка статистически не выражены, поэтому и не могут быть использованы для хронологических построений и тем более обоснования отдельного позднемезолитического этапа в развитии гренской культуры.

С учетом радиоуглеродных дат возникновение кремневых комплексов с трапециями в иеневской культуре междуречья Волги и Оки относится к другой половине пребореала — началу бореального времени (Кравцов, Сорокин, 1991. С. 38–60; Сорокин, 2004. С. 77–78; Kravtsov, 1999. Р. 272–279). К такому выводу приходит и Л. Зализняк, когда рассматривает проблемы хронологии песочноровской культуры деснинского бассейна (Зализняк, 1999. С. 216–224; 2005. С. 60–62).

Обращая внимание на весь круг проблем гренской культуры, нельзя обойти вниманием работы польских исследователей. Так, С. Козловски начало формирования деснинской культуры, под которой понимаются комплексы с ассиметрично-черешчковыми наконечниками с боковой выемкой, в том числе и гренские, ведет от IX тыс. до н. э. и доводит время ее существования до раннего голоцена (Kozłowski, 1999. Р. 30–35). Именно после окончания ледниковой эпохи, как считает С. Козловски, происходит трансформация деснинских древностей в ряд «пост-деснинских» культур.

По мнению К. Шимчака деснинские элементы на памятниках северо-восточной Польши известны на протяжении аллереда — бореального времени (Szymczak, 1995. S. 70). Аналогичных взглядов придерживался и отечественный исследователь В. Обуховский, который допускал

возможное взаимодействие населения волкушанской культуры с гренским «не позднее середины дриаса III» (Обуховский, 2007. С. 159).

3. Сульгустовска для бореального времени отмечает широкие миграции гренского населения в западном направлении (Sulgustowska, 2005. S. 134). Причиной такой активной мобильности гренских охотников, как считает исследовательница, был поиск и добыча гематита, месторождения которого известны около местечка Рыдно. Однако, несмотря на наличие в кремневых комплексах стоянок указанной территории ассиметрично-черешковых наконечников с боковой выемкой, нельзя согласиться с тем, что население гренской культуры Верхнего Поднепровья и тем более Посожья — региона богатого на залежи мелового кремня — намеренно совершали столь дальние походы за сырьем совершенно другого качества. Это подтверждается и отсутствием изделий из гематита в кремневом инвентаре верхнеднепровских и посожских стоянок гренской культуры.

В настоящее время очень сложно решается вопрос об исторических судьбах гренского населения, особенно того, которое проживало в бассейне р. Сож. И если для В. Ксензова эта проблема оставалась открытой, то в современной историографии сложилось устойчивое мнение рассматривать гренскую культуру в качестве прямого генетического предка населения двух культурных традиций — иеневской в Волго-Окском междуречье и песочноровской в Среднем Подесенье (Археалогія Беларусі, 1997. С. 52; Залізняк, 1999. С. 223; 2005. С. 51, 60–62; Копытин, 1992. С. 46–47).

На основе аренсбургских и красносельских традиций, по данным Л. Зализняка, в Скандинавии сформировалась постаренсбургская культурная зона, в которую, кроме иеневской и песочноровской культур, входили также культуры Фосна и Комса (Залізняк, 2005. С. 51). Аналогичных взглядов придерживается и С. Козловский, который считает, что в начале голоцена в междуречье Верхнего Днепра и Десны возникла «пост-деснинская» культура, близкородственная культурам европейского севера — Фосна и Комса (Kozłowski, 1999. P. 30–35).

По мнению В. Копытина и Е. Калечиц (Археалогія Беларусі, 1997. С. 55–67; Калечиц, 2003. С. 67–72; Копытин, 1992. С. 48–58), часть гренского населения, при опосредованном участии свидерского, стала генетической основой сожской культуры позднего мезолита (8000–6000 лет назад). Представления об этой локальной культуре строились на идее аккультурации традиций целого ряда мезолитических культур. Археологически это подтверждалось присутствием в составе кремневого инвентаря сожской культуры гренских (техника расщепления и орудия труда) и свидерских (наконечники стрел с плоской подтеской черешка) элементов.

Анализ коллекций опорных памятников сожской культуры показал, что конгломерат ее кремневых комплексов является результатом естественного (механического) смешения материалов разных культур, а не примером взаимодействия и взаимовлияния разнокультурных традиций, на базе которых впоследствии формировались отдельные локальные группы памятников (Колосов, 2005а. С. 8–14; 2005в. С. 8–12). Поэтому идею трансформации гренской культуры в некое новое и своеобразное явление позднего мезолита Посожья следует считать только моментом историографии. Тем более что сожская культура относилась к числу «постсвидерских культур» или «культур свидерских традиций» эпохи мезолита (Калечиц, 2003. С. 66–67; Копытин, 1992. С. 49, 54). Следовательно, в области противоречий оказалось мнение о роли гренской культуры в сложении сожских древностей.

В последнее время высказывается мнение о возможном удревнении иеневской культуры междуречья Волги и Оки (Сорокин, 2006. С. 68–85; Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009). Объективность абсолютных дат этой культуры ставится под сомнение, что, по мнению А. Сорокина, объясняется «феноменом натурального омоложения палинологических спектров и радиоуглеродных образцов» (Сорокин, 2006. С. 81). По времени иеневская культура, как считает А. Сорокин, может соответствовать финальному палеолиту и, следовательно, традиции иенева поставлены в один ряд с такими культурами как аренсбургская, гренская, песочноровская, устькамская. Этим признается культурное своеобразие иеневских древностей, генетически связанных, по мнению А. Сорокина, с кругом культур бромме-лингби (Сорокин, 2006. С. 81–82; Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009).

Если выводы А. Сорокина верны, тогда необходимо будет признать древность не только самой гренской культуры, что собственно согласуется с новыми датами Г. Синицыной по памятникам Валдайской возвышенности, но и иеневско-песочноровских комплексов с трапециями. Естественно, кремневый инвентарь гренской, иеневской и песочноровской культур типологически сближает общность форм отдельных орудий и, в первую очередь, ассиметрично-черешковых наконечников с боковой выемкой. Однако нельзя не заметить отсутствие в составе гренского технокомплекса геометрических микролитов (трапеций, треугольников, сегментов). С одной стороны, это может отражать локальную специфику гренских древностей на фоне иеневских и песочноровских, с другой — являться хронологическим показателем.

Правда, если строго подходить к трапециям как одному из критериев хронологического определения материалов культуры, то нельзя не заметить, что единичные формы известны и в некоторых комплексах гренской культуры. Например, грубая ассиметричная трапеция содержится в кремневом инвентаре стоянки Хвойная, которая по стратиграфическим наблюдениям датируется началом позднего дриаса (Копытин, 1992. С. 25–27; 1999. С. 272–279). Известны трапеции и в коллекции Гренской стоянки, но отсутствие выразительной стратиграфии памятника, наличие разновременных материалов не позволяют связать находки этих микролитов конкретно с гренским комплексом.

Для решения вопроса о времени появления в среде культуры ассиметрично-черешковых наконечников с боковой выемкой геометрических микролитов, как, впрочем, и культуры в целом, требуется привлечение надежных источников, обеспеченных данными естественных наук. На данном же уровне исследования речь должна вестись не о начале появления трапеций как таковых, а о начале наибольшего и, заметим, повсеместного их распространения. Этот факт, на наш взгляд, либо дает яркий пример технических новаций в среде культур охотников на северного оленя, связанных с изменением способов ведения хозяйства в условиях трансформации окружающей среды на рубеже плейстоцена — голоцена, либо появление микролитов может отражать культурную специфику. Но в любом случае, мы не вправе пока считать абсолютной истиной мнение о появлении комплексов с микролитами в иеневской культуре уже в позднеледниковое время, тем более что и ранних (финальнопалеолитических) дат для иеневских и песочноровских стоянок, на которых геометрические микролиты образуют серии, не известно.

В целом гренская, иеневская и песочноровская культуры — это не просто явления одного генетического порядка, а пример эволюции культурных и хозяйственных традиций населения в условиях трансформации окружающей среды в конце эпохи плейстоцена — начале голоцена. В данном случае понятия «гренская», «иеневская» и «песочноровская» культуры выступают своеобразным инструментом в изучении проблем круга культур ассиметрично-черешковых наконечников, распространенных в разных регионах Восточной Европы. В этом плане следует признать справедливым мнение Е. Леоновой, которая объединяет комплексы с ассиметричными наконечниками в «единое информационное пространство, границы которого, вероятно, менялись во времени» (Леонова, 2007. С. 147–148). Значит, культурное своеобразие Верхнего Поднепровья, волго-окского и деснинского бассейнов в составе этого единого пространства является показателем тех технических и хозяйственных изменений, роль в которых, безусловно, сыграл экологический фактор (Балакин, Нужный, 1990. С. 90–100).

Свидерская культура

История изучения свидерской культуры в Посожье берет свое начало еще в довоенное время. Анализ подъемного материала целой серии стоянок на Соже, открытых К. Поликарповичем в конце 1920 — начале 1930-х гг., позволило выделить отдельную «свидерскую стадию эпилепалеолита» в бассейне этой реки (Паликарповіч, 1928; 1930; Поликарпович, 1934; 1957). К. Поликарпович один из первых обратил внимание на сходство посожских памятников со стоянками Северной Украины и попытался провести аналогичные параллели со свидерскими стоянками Понеманья и Польши (Поликарпович, 1934. С. 77).

Проблема развития свидерских древностей в Восточной Беларуси и бассейне р. Сож в частности затрагивалась также в работах М. Воеводского (1934; 1950), А. Формозова (1954), В. Будько (1962; 1966), Н. Гуриной (1965; 1977), Р. Римантене (1971), Л. Кольцова (1977),

Л. Зализняка (1989; 1999; 2005) и др. Но в 1980–1990-е гг. в отечественной историографии сложилось особое отношение к интерпретации материалов памятников, в том числе и тех, которые первоначально относили к числу свидерских. На данном источниковедческом этапе были выделены отдельные локальные культуры, своеобразие которых подчеркивалось синтезом традиций целого ряда финальнопалеолитических и мезолитических культур — гренской и свидерской в составе сожской культуры позднего мезолита (Калечиц, 1987; 2003; Копытин, 1992; 1999), свидерской и лингбийской в контексте днепро-деснинских древностей (Ксензов, 1988; 1994а; 1994б; 1997; 2006).

На территории Восточной Беларуси памятники свидерской культуры отмечались только в трех пунктах, расположенных в бассейне Днепра — Яново-1 и 2 и Баркалабово (Калечиц, 2003; Копытин, 1992. С. 27–31; Ксензов, 1988; 1997. С. 11). Материалы Яновских стоянок, по данным В. Ф. Копытина, датировались финальным палеолитом, стоянка Баркалабово по времени относилась к раннему мезолиту (Копытин, 1992. С. 27–31). Таким образом, отмечалось, что в финальном палеолите — раннем мезолите отдельные группы свидерских охотников достигли правобережья Днепра, а их расселение в восточном направлении, т. е. на территорию Посожья, сдерживалось обитавшем здесь населением гренской культуры (Ксензов, 1997. С. 5–15).

В настоящее время от этого мнения пришлось отказаться, и с учетом новых данных следует признать факт малочисленности или полного отсутствия свидерских памятников как результат слабой изученности этого культурного явления на территории Восточной Беларуси (Колосов, 2009а; 2009б. С. 39–41; 2010. С. 77–89). Только в бассейне р. Сож удалось установить присутствие 22 местонахождений, на которых были обнаружены материалы свидерской культуры (рис. 3). В Нижнем Посожье сюда относятся стоянки Кленки-1, 3, 4, 5, 8, Присно, Рудня Споницкая-1 (Латки), Старое Село-6; Залядь-1, 2 и Романовичи-1 в бассейне р. Ипуть; Бартоломеевка и Новые Громыки (Аврамов Бугор) в бассейне р. Беседь. В среднем течении Сожа свидерские комплексы отмечены среди материалов стоянок Александровка-2 (Толкачевка), Борисовичи-1 и 3, Ворновка (Гренск), Горки (Угаревка), Костюковка (Взлужье), Рудня-1 (Климовичский р-н), Папоротки, Первокричевский-3, (Среднее Посожье). На двух памятниках проведены стационарные работы — Горки (Копытин, 1992. С. 49–54) и Новые Громыки (Аврамов Бугор) (Калечиц, 1987. С. 20–26; 2003. С. 62–63).

Наиболее выразительный комплекс находок свидерской культуры в Посожье представлен в коллекции стоянки Первокричевский-3. К свидерской культуре здесь относятся нуклеусы, которые имеют две противоположных ударных площадки, скошенных под углом 50–80° в сторону контрфронта. Остаточные ядрища характеризуются средними и крупными размерами — 60–100 мм в длину, 50–60 мм в ширину и 40–60 мм в толщину (рис. 12: 5–10). Боковые стороны и контрфронт нуклеусов подправлены поперечными сколами, карниз ударной площадки редуцирован. На скалывающей поверхности сохраняются негативы пластин или пластинчатых сколов правильной огранки, полученных в технике удара. Комплекс орудий труда включает серию скребков, резцов и проколов, изготовленных на длинных пластинчатых заготовках, а также наконечник стрелы, черешок которого слабо выражен полукрутой дорсальной ретушью и дополнительно подправлен плоской со стороны брюшка (рис. 13: 1).

К числу свидерских можно отнести отдельные находки стоянки Горки, которая ранее связывалась с сожской культурой и датировалась поздним мезолитом (8000–6000 лет назад). Анализ нуклеусов и сколов, полученных с них, отдельных форм орудий труда и предметов вооружения позволяет считать, что урочище Угаревка, где расположен памятник, посещалось неоднократно. В коллекции стоянки Горки выделяются материалы свидерской и гренской культур финального палеолита, бутовской культуры эпохи мезолита и среднеднепровской культуры бронзового века.

Источниковедческую условность коллекции стоянки Горки понимал, очевидно, и сам В. Копытин, который на протяжении 1974–1989 гг. исследовал 1668 кв. м культурных отложений стоянки. В личном архиве ученого содержится достаточно интересное, на наш взгляд, замечание по поводу одновременности материалов стоянки Горки (Колосов, 2005а. С. 13). В нем В. Копытин высказал предположение о неоднократном заселении урочища, а это значит, что

принимать весь комплекс находок памятника за единый и, тем более, эталонный образец для характеристики локальной культуры, не было необходимости.

Статистические методы обработки вещевого материала в данном случае оказались непригодными. Они не позволяют объективно оценить характер культурного освоения конкретного местонахождения, особенно если культурный горизонт на нем стратиграфически не выделяется. Признавал это и В. Копытин, считавший, что материалы стоянок с невыраженным культурным слоем «ничего существенного дать не могут в стратиграфическом отношении» (Копытин, Отчет за 1975 г. С. 3). В качестве примера приводилась стратиграфия стоянки Горки. Культурный слой этого памятника, отмечал В. Копытин, как и остальных местонахождений каменного века в Посожье, был установлен условно по границам вертикального распространения находок в подзолистом и иллювиальном горизонтах почвы.

Свидерский комплекс находок стоянки Горки характеризуют техника расщепления кремня и отдельные категории орудий труда. Процесс получения заготовок был подчинен исходной форме кремневого сырья. На стоянке Горки для этих целей использовались вытянутые по длине овальные и уплощенные желваки мелового кремня, встречающегося в обнажении первой надпойменной террасы, на которой расположено древнее поселение. Преимущество отдавалось кремневым конкрециям, размеры которых не превышали 50–80 мм, что, видимо, наложило свой отпечаток на параметры пластинчатых заготовок, характеризующихся короткими и узкими формами, и морфологию нуклеусов, 70% которых сохраняет желвачную корку на контрфронте.

Техника расщепления кремня на стоянке Горки была основана на принципе одностороннего параллельного снятия пластин и пластинчатых отщепов с одно- и двухплощадочных нуклеусов; боковые стороны и контрфронт ядрищ имеют поперечную подправку. Подготовка нуклеусов сводилась к формированию ударной площадки поперечным усечением. В ходе расщепления она подправлялась поперечными сколами. Карниз ударной площадки нуклеусов редуцирован. Угол скалывания заготовок составляет 54–90°.

К свидерской культуре в Горках следует отнести серию узких и длинных пластин, снятых с двухплощадочных нуклеусов. Эти сколы характеризуются параллельной и встречной огранкой дорсальной поверхности, рудиментами короткой, в отдельных случаях точечной, ударной площадки, предварительно подготовленной путем редуцирования карниза. Основная часть пластин была использована для производства наконечников стрел, пластин со скошенным концом, отдельных типов острий и проколов (рис. 14).

Среди наконечников стрел выделяются изделия с четким и слабовыраженным черешком, который со стороны брюшка дополнительно подправлен плоской ретушью (рис. 14: 1–8). По способам оформления пера выделяются наконечники, сохраняющие естественные очертания дистального конца заготовки. Острия отдельных экземпляров подправлены мелкой дорсальной ретушью, которая в некоторых случаях может дополнительно сочетаться с плоской обработкой вентрального фаса пластины. На стоянке Горки обнаружены также черешковые наконечники стрел со скошенным пером (тип Смячки-14А, рис. 14: 7).

В целом схожие черты, особенно в предметах вооружения, материалы посожских стоянок имеют со свидерскими памятниками финального палеолита Восточного Полесья, а также среди свидерских стоянок Литвы позднего дриаса — начала пребореального времени (Залізняк, 2005. С. 51–55; Неприна и др., 1989. С. 83–105; Римантене, 1971. С. 39–54, 53–61, 85–89; Šatawičius, 2005. Р. 159–162).

Теперь следует обратиться к вопросу о роли свидерской культуры в сложении мезолита бассейна р. Сож. Находки отдельных наконечников стрел позднесвидерских форм, имеющих дополнительную обработку пера (Борисовичи-3, Горки), а также единичных трапеций (Баркалабово, Горки), допускают возможность обитания свидерского населения в Посожье в начале раннего голоцена. Однако в отечественном мезолитоведении сложилось особое мнение о характере развития свидерских традиций в рамках двух своеобразных локальных культур — сожской и днепро-деснинской (Калечиц, 1987; 2003; Копытин, 1992; 1999; Ксензов, 1988; 1994а; 1994б; 1997; 2006). Поэтому существует необходимость подробного рассмотрения материалов этих так называемых «постсвидерских» культур и определения их места в мезолите Восточной

Беларуси. Основанием такого пристального внимания к историографии сожских и днепровских древностей является устоявшееся источниковедческое различение материалов одних и тех же памятников, которые привлекались для выделения этих культурных явлений.

Сожская мезолитическая культура была выделена В. Копытиным в 1970-е гг. в результате многолетнего изучения стоянок Посожья, верхнего течения Днепра и бассейна р. Березина (Копытин, 1977. С. 60–65; 1983. С. 46–51; 1992. С. 48–58, 64, 79–86). История изучения и круг проблем данной культуры неоднократно освещались в литературе (Калечиц, 1987. С. 5–10; 2003. С. 10–13; Копытин, 1992. С. 3–7; Ксензов, 1988. С. 11–15; 2006. С. 40–59). Напомним, что первоначально в локальную позднемезолитическую культуру были объединены памятники, которые, по мнению В. Ф. Копытина, наследует «мезинские культурные традиции со свидерскими элементами» (Копытин, 1977. С. 66). Основанием для такого вывода стали: 1) топография памятников (в основном, первая надпойменная терраса); 2) условия залегания культурных остатков (иллювиальный горизонт); 3) облик кремневого инвентаря (большой процент орудий на отщепах, преобладание скребков над резцами (2:1), распространение рубящих орудий) (Копытин, 1977. С. 60–65; 1983. С. 46–51).

В конце 1980-х–1990-е гг. четко обозначилась детализация вопросов, связанных с генезисом, хронологией и историческими судьбами населения сожской культуры. Так, в ареал культуры В. Копытин включил материалы стоянок бассейна р. Сож (Горки-2, Журавель, Клины-2, Присно), Днепра (Береговая Слобода, Новый Быхов-2, Рдица), Березины (Городок, Василевичи-2, Михайловка) и Беседи (Аврамов Бугор, Бабулин Бугор, Столбун) (Копытин, 1992. С. 48–58, 64, 79–86; 1999. С. 264–265). По мнению В. Копытина, данная культура представляла собой явление, сформированное на базе двух культурных традиций — гренской и свидерской (Копытин, 1992. С. 48; 1999. С. 264). Гренские черты прослеживались в технике расщепления кремня, основанной на монофронтальном снятии пластин и отщепов с одно- и двухплощадочных нуклеусов и отдельных типах орудий, основной заготовкой для которых был отщеп; свидерские — в формах наконечников стрел (Копытин, 1992. С. 48; 1999. С. 264).

Стандартный набор кремневого инвентаря сожской культуры, по В. Копытину (1992. С. 48–50; 1999. С. 264–265), включал черешковые наконечники стрел из пластин, имеющие слабовыраженный или острый черешок с дополнительной обработкой брюшка плоской ретушью; концевые скребки (доминируют) при наличии двойных, со скошенным рабочим краем, с «шипом», подокруглых и округлых форм; имеются скребловидные изделия и изделия с выемкой; ретушные, срединно-угловые и на сломе заготовки резцы. В коллекциях также встречались комбинированные орудия в виде модификаций скребков и резцов, скребков и проколов, скребков и скобелей. В группе колющих орудий выделялись симметричные и косые острия, сверла и проколки. Вкладышевые изделия представлены сечениями пластин, имеющих по краям следы утилизации или угловые резцовые сколы. Среди геометрических орудий присутствует незначительное количество трапедий. В числе рубящих указывались орудия овальной, трапециевидной и острообушной форм, топорики с перехватом.

Хронология сожской культуры, по мнению В. Копытина, укладывалась в пределах VI–V тыс. до н. э., а исторические судьбы населения связывались с формированием верхнеднепровской неолитической культуры (Копытин, 1992. С. 48, 59; 1999. С. 264).

Взгляды В. Копытина на генезис и хронологию сожской культуры разделяет Е. Калечиц (1987; 2003). При этом исследовательница отмечает особое положение памятников Центральной Беларуси, сформированных «на основе сильных культурных импульсов свидера со свойственной ему пластинчатостью», что «дает основание для выделения в Березинском бассейне специфического явления, не получившего пока названия» (Калечиц, 2003. С. 71).

Несколько иной подход в решении проблем финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья содержится в работах В. Ксензова (1988; 1994а; 1994б; 1997; 2006). На основе полученных материалов первоначально им была выделена позднемезолитическая культура, получившая название «верхнеднепровская» (Ксензов, 1986. С. 11–19). Её территория, по мнению Ксензова, занимала обширные пространства бассейнов Березины, Днепра и Сожа.

В обобщающем монографическом исследовании «Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья» (Мн., 1988) исследователь предложил новую интерпретацию материалов в рамках

днепро-деснинской культуры, генетические корни которой будут связываться им со свидерской культурой (Ксензов, 1988. С. 41–52, 126).

В территориальном отношении эта «постсвидерская» культура, согласно В. Ксензову, была представлена памятниками Верхнего Поднепровья, Восточного Полесья и Среднего Подесенья (Ксензов, 1988. С. 41–105, 126). В своем развитии она прошла три этапа. К первому этапу были отнесены стоянки Яново, Дальнее Лядо, Лудчицы, Латки, Королева Слобода, Шихов, Верхи, Костюковка, ко второму — Балка-1, Бор, Залесье-4, Корост, Раска, Смячка-14А, Б, Г. Эти два этапа датировались ранним мезолитом в пределах пребореала — бореального времени (Ксензов, 1988. С. 48). Третий этап (начало VI — конец V тыс. до н. э.) представлен стоянками Береговая Слобода, Василевичи-2, Городок-4, Красновка-1А, Тайманово, Стасевка, Взлужье, Гайшин, Горки, Замостовье, Новый Быхов-2, Рдица, Студенец (Ксензов, 1988. С. 93–105).

Критериями для подобного хронологического деления памятников стали характерные для каждого хронологического этапа формы наконечников стрел и облик кремневого инвентаря в целом. Если на первом этапе, как считал В. Ксензов, были известны в основном симметричные наконечники стрел, выполненные в свидерской или постсвидерской манере, то на втором под влиянием гренской культуры в днепро-деснинских комплексах появляются ассиметричные наконечники (Ксензов, 1988. С. 93–105). Всего в материалах позднего этапа днепро-деснинской культуры В. Ксензовым было выделено семь типов наконечников (Ксензов, 1988. С. 95–96).

Характеризуя типологический состав кремневого инвентаря стоянок днепро-деснинской культуры, исследователь отмечал их территориальное различие, которое проявлялось, прежде всего, в выборе заготовки для изготовления орудий труда — пластина на Днестре и отщеп на Соже (Ксензов, 1988. С. 100). Это явление В. Ксензов объяснял двумя причинами: топографией стоянок Посожья, которые приурочены к выходам мела, содержащим кремневое сырье, и культурным влиянием извне. Он подчеркивал, что «коллекции памятников Посожья значительно многочисленнее, здесь больше скребков из вершинок конкреций, больше орудий из первичных отщепов, что однако не повлияло на присущие днепро-деснинской культуре формы и типы орудий» (Ксензов, 1988. С. 100).

В 1990-е гг. В. Ксензов пересмотрел свои взгляды на хронологию днепро-деснинской культуры и уточнил ее происхождение (Ксензов, 1994а. С. 61–83; 1997. С. 11–15; 2006. С. 40–59). В первую, наиболее раннюю группу им были включены памятники Смячка-14А, Б, Г, Бор, Балка, Залесье, Раска, Баркалабово, Шихов, Королева Слобода, Латки, Чижаха, которые по типологическому составу коллекций однообразны. В инвентаре второй хронологической группы (Береговая Слобода, Рдица, Новый Быхов-2, Городище-2, Красновка-1А, Михайловка, Горки, Загорини-1, Дорошевичи, Лясковичи, Рожава-1) появляются «ранее неизвестные формы орудий» (Ксензов, 1994а. С. 76–77; 1997. С. 14).

Это различие, по мнению исследователя, основывалось на присутствии в коллекциях днепро-деснинских памятников поздней группы простых черешковых наконечников без подправки насада плоской ретушью и наконечников с боковой выемкой (Ксензов, 1994а. С. 71, 77; 1997. С. 14; 2006. С. 40–59). Кроме этого, в поздних комплексах, как считал В. Ксензов, встречаются вкладышевые орудия, ланцетовидные наконечники, наиболее характерные для стоянок бассейна р. Березина, пластины с затупленным краем, трапеции (Ксензов, 1994а. С. 71, 74, 77; 1997. С. 14; 2006. С. 40–59).

Генетические корни днепро-деснинской культуры В. Ксензов считал возможным искать среди памятников свидерской (иволистные и черешковые наконечники с плоской вентральной обработкой насада, концевые скребки удлинённых пропорций, срединные и ретушные резцы на пластинах, рубящие орудия с перехватом, техника расщепления, основанная на снятии пластин с двухплощадочных нуклеусов) и лингбийской (черешковые наконечники, наконечники с боковой выемкой) традиций (Ксензов, 1994а. С. 82–83; 1997. С. 15; 2006. С. 56). Основываясь на данном положении, В. Ксензов ставил под сомнение возможность формирования сожской культуры на базе свидерской и гренской культур, что объяснялось отсутствием в Посожье свидерских памятников и малочисленностью гренских (Ксензов, 1997. С. 11).

По мнению В. П. Ксензова, основным типом-заготовкой для орудий труда днепро-деснинской культуры была пластина, что является свидерской чертой (Ксензов, 1997. С. 11–12,

14–15). Пластинчатость особенно подчеркивалась для памятников бассейна р. Березина. И только на стоянках Посожья, как считал В. Ксензов, в качестве заготовки широко использовался отщеп. Это стало основанием для выделения двух локальных групп: «западной (бассейн Березины) и восточной (бассейны Сожа и Днепра)» (Ксензов, 1994а. С. 77–78; 1997. С. 15).

Таким образом, в рассуждениях исследователей мезолита Восточной Беларуси наблюдалась попытка обоснования культурной специфики конкретной территории, которая выражалась в идее синтеза традиций ряда финальнопалеолитических и мезолитических культур. При этом для характеристики выделенных локальных культур использовались коллекции одних и тех же памятников, что вызывало некоторые недоразумения.

Первое противоречие возникло уже в самом названии культур. Оставалось не понятным: сожская и днепро-деснинская культуры — это два разных культурных явления или одно, но выраженное в разных названиях? Понятие «сожская культура» появилось на страницах публикаций не случайно, поскольку именно в Посожье были получены достаточно выразительные коллекции, позволившие выделить и дать характеристику этому культурному явлению. Понятие «днепро-деснинская культура» в территориальном отношении было шире и охватывало не только бассейны Березины, Верхнего Днепра, Сожа, но и Средней Десны и нижней Припяти.

В. Копытин считал ошибочным включение деснинских материалов в состав днепро-деснинской культуры, так как они дают яркий пример распространения геометрических микролитов, не характерных для Верхнего Поднепровья (Копытин, 1992. С. 50–51). Однако деснинский бассейн в культурном отношении проявляет многообразие (Сорокин, 1986. С. 28–35; Зализняк, 1989; 1991; 2005) и, по мнению В. П. Ксензова, не справедливо не замечать близость кремневого инвентаря верхнеднепровских поселений днепро-деснинской культуры и стоянок типа Смячка-14. Последние им были включены в круг памятников раннего этапа днепро-деснинской культуры (Ксензов, 1994а. С. 66).

Между тем, Е. Калечиц подвергает сомнению возможность объединения в рамках днепро-деснинской культуры различных «в геоморфологическом отношении и по насыщенности кремнем областей» (Калечиц, 2003. С. 71). А. Сорокин признает днепро-деснинскую культуру историографически несостоятельной и считает, что кремневые комплексы этой культуры смешаны (Сорокин, 2002. С. 124–125). По мнению Л. Зализняка сожская или днепро-деснинская древности появились в результате взаимодействия двух культур и не являются уникальными явлениями в мезолите Верхнего Поднепровья (Зализняк, 1999. С. 230). Смешанные памятники являются либо свидерскими, либо грэнскими, в зависимости от того, какие из признаков этих культур доминируют (Зализняк, 1999. С. 230). В этой связи Л. Зализняк считает эталонную для сожской культуры стоянку Горки свидерской и датирует ее кремневый инвентарь началом пребореального времени (Зализняк, 1999. С. 229).

По нашему мнению, концепция формирования днепро-деснинской культуры, по В. Ксензову, ничего нового не предлагает и во многом противоречива. В противовес схеме генезиса сожской культуры В. Копытина «свидер+грэнск», им была предложена своя культурологическая модель мезолита Белорусского Поднепровья, не меняющая в целом суть понятия конгломератной культуры — «свидер (на раннем этапе)+лингби (на позднем)».

В. Ксензов считал, что свидерское население Полесья испытало «сильное влияние (со стороны культуры лингби — А. К.), в результате чего появляются памятники, сочетающие в инвентаре свидерские и позднелингбийские черты» (Ксензов, 1997. С. 15; 2006). Однако грэнская культура у этого же автора возникла на лингбийской основе, что отчетливо проявляется в наличии «массивных широколиственных наконечников с толстым черешком, обработанным только по краям» и черешковых ассиметричных наконечников (Ксензов, 1997. С. 11; 2006). Процесс заселения северных районов Верхнего Поднепровья населением лингби, считал В. Ксензов, «фиксируют памятники Эжяринас 16, Дярежничя 31, Глинас 6, Красносельский 5, 7 и др.» (Ксензов, 1997. С. 11), которые являются «вторым генетическим компонентом» днепро-деснинской культуры (Ксензов, 1997. С. 15). Следовательно, если происхождение грэнской культуры В. Ксензовым выводилось из лингбийской, которая также являлась одним из генетических компонентов днепро-деснинских древностей, являлось ли обоснованным отрицание сожской культуры В. Копытина?

Теперь обратимся к хронологии и интерпретации кремневого инвентаря памятников сожской и днепро-деснинской культуры. Нерешенность этих вопросов подчеркивается отсутствием дат, полученных с помощью естественнонаучных методов, четко стратифицированных памятников, слои которых не сохраняют органику. Поэтому единственный выход из этого положения исследователи видели в анализе кремневого инвентаря, основанным на сравнительной типологии. В качестве датирующих признаков отмечались: топография стоянок, скребково-резцовый показатель, распространение различных форм наконечников, присутствие в коллекциях незначительного количества трапечей. Обратим внимание, что соотношение скребков и резцов отнюдь не свидетельствует о возрасте памятника, а может говорить о специфике хозяйственной деятельности или специализации по изготовлению определенных типов орудий труда (Калечиц, 2003. С. 72).

Наличие наконечников типа Хинтерзее (Коромка, Горки, Журавель) и трапечей также не может являться надежным индикатором для датировки памятников позднемезолитическим возрастом. Первые происходят из нестратифицированных стоянок и, по верному замечанию А. Сорокина, определяются типологически (Сорокин, 2002. С. 62). В отношении трапечей можно заметить, что время их появления относится еще к заключительным этапам палеолита. В материалах иеневской и песочноровской культур, как отмечалось ранее, они получают распространение в пребореальное время (Зализняк, 1999. С. 216–224; 2005. С. 60–62; Кравцов, Сорокин, 1991. С. 38–60; Сорокин, 2004. С. 77–78; Kravtsov, 1999. Р. 272–279). По данным Л. Л. Зализняка, находки трапечей на свидерских стоянках Полесья могут свидетельствовать либо о поздних примесях, либо о раннем их появлении, поскольку в Раске и Смячке-14 они обнаружены в четких стратиграфических условиях (Неприна, Зализняк, Кротова, 1986. С. 92–93, 107).

Для ранней группы памятников, которую В. П. Ксензов датирует пребореалом — бореалом (10300–8000 лет назад), как отмечалось выше, характерно «типологическое однообразие», которое проявляется в распространении черешковых постсвидерских наконечников (Ксензов, 1997. С. 12, 14). Однако происхождение «второго генетического компонента», отчетливо проявляющегося в комплексах позднего этапа (8000–7000 лет назад), «связано с появлением в финальном палеолите в южной части лесной зоны Восточной Европы населения культурной традиции лингби...» (Ксензов, 1997. С. 15). И далее: «Вероятно, на рубеже плейстоцена-голоцена оно вступило в контакт со свидерским населением, проживавшем в основном на территории Полесья...». После этого «смешанное население мигрирует на восток, в деснинский регион, где оставляет памятники ранней группы», а затем «на север, освоив к концу мезолита бассейны Сожа, Верхнего Днепра, Березины в южных и центральных частях Беларуси» (Там же).

Если на рубеже плейстоцена-голоцена появляются памятники «смешанной традиции», то правомерно ли утверждение о «типологическом однообразии» кремневого инвентаря раннего этапа днепро-деснинской культуры? Наглядно это противоречие отражено и в приложенных к статьям иллюстрациях (Ксензов, 1994. С. 72, 78; 1997. С. 12–13), где вместе с «постсвидерскими» формами наконечников стрел ранней группы памятников демонстрируются «лингбийские» черешковые и «грениские» ассиметричные с боковой выемкой, известные также в комплексах позднего этапа днепро-деснинской культуры (ср., например, рис. 3: 3–4 с рис. 4: 3–4 — Ксензов, 1997. С. 12–13). Не совсем понятен и тезис о «сильном влиянии населения лингби на свидерцев», которое проявляется только лишь в наличии «черешковых наконечников и наконечников с боковой выемкой» (весь остальной типологический набор связан со свидерской культурой) (Ксензов, 1997. С. 15).

Не менее противоречивой была схема формирования сожской позднемезолитической культуры, особенно по части происхождения этой культуры на базе грениских традиций. На данный момент нам неизвестно, какая группа памятников грениской культуры могла стать генетическим компонентом для сожских древностей. Ведь грениские материалы, судя по публикациям, типологически неоднородны, что признавал и сам В. Ф. Копытин. Например, кремневый комплекс стоянки Боровка ученый связывал с мезинскими традициями, а Коромку — с Межиричами и Добраничевкой (Копытин, 1992. С. 14–25; 1999. С. 258–260). На это положение дел обратили внимание А. Кравцов и А. Сорокин, которые предположили, что на территории Верхнего Поднепровья имеются «чистые» аренбургские памятники типа Боровка и синкретические

типа Коромка, сочетающие в себе аренсбургские и свидерские черты, при условии источниковедческой надежности последних (Кравцов, Сорокин, 1991. С. 16).

Кроме этого, одностороннее параллельное снятие заготовок с одно-, двухплощадочных нуклеусов при неоформленном контрфронте, как отмечалось в литературе, было характерно не только для гренской техники расщепления, но для памятников свидерской культуры — Баркалабово на Верхнем Днепре и группы стоянок в устье р. Смячь на Средней Десне. Очевидно, характер сырья и специфика памятников, территориально приуроченных к выходам меловых пород, содержащих в обилии кремневое сырье, наложили свой отпечаток на типологический состав и облик кремневого инвентаря в Посожье. Следовательно, причины разногласий по преимущественному использованию того или иного типа заготовки, попытки увязать этот факт с определенной культурной традицией (лингбийской, гренской или свидерской) кроются в геоморфологических особенностях тех регионов, где работали исследователи.

Еще одно противоречие наглядно выступает, когда В. Копытин связывал формирование сожской культуры с поселениями типа Баркалабово, которые он характеризует как свидерские и сравнивает «с памятниками позднего этапа бутовской и неманской мезолитических культур, что обусловлено общей свидерской основой их формирования» (Копытин, 1992. С. 49, 54). Во-первых, «памятники типа Баркалабово» образовывала коллекция всего одной стоянки — Баркалабово, поэтому о выделении отдельного типа памятников здесь не может быть и речи. Во-вторых, за признанием факта выделения отдельного типа памятников, признаем факт локальности свидерской культуры. В-третьих, как справедливо заметила Е. Калечиц, между памятниками свидерской и сожской культур существует хронологический разрыв в две тысячи лет (Калечиц, 2003. С. 66). А это делало не ясным: либо сожская культура сформировалась в раннем мезолите и ее материалы требовали соответствующего удревнения, либо «свидерская культура продолжала развиваться на мезолитическом этапе» (Там же).

Между тем, Е. Калечиц в решении этого вопроса приняла последнюю версию. В критическом обзоре проблем мезолита Восточной Беларуси исследовательница отмечала особое положение мезолитических памятников Нижнего Посожья, где было зафиксировано развитие свидерских традиций, особенно в бассейнах Ипути и Беседи (Там же). При этом «сильные импульсы» культурных влияний свидера доводились Е. Калечиц до конца неолита, и доказывалось это присутствием постсвидерских наконечников стрел в кремневом инвентаре стоянок верхнеднепровской неолитической культуры. По этому поводу Е. Калечиц отмечает следующее: «Материалы мезолитических поселений Нижнего Посожья, в отличие от расположенных севернее, носят отчетливые следы преемственности свидерской традиции кремнеобработки, которые сохранялись здесь и в неолите» (Там же). Получается, что в мезолите бассейна р. Сож существовало, по крайней мере, две локальных группы памятников: одна из них отчетливо просматривается в материалах стоянок Нижнего Посожья, другая — среди стоянок, «расположенных севернее» (Там же).

Однако такое территориальное различие среди памятников свидерской традиции в низовьях Сожа и группы стоянок «расположенных севернее» объясняется Е. Калечиц фактом давления «постсвидерцев» на местное гренское население: «По-видимому, племена свидерской традиции (постсвидерцы), проникшие в Нижнее Посожье, на мезолитическом этапе развития расселились в бассейнах Ипути и Беседи, оттеснив местное гренское население к северу» (Там же. С. 67).

Насколько возможной и реальной была экспансия «племен постсвидерцев» в бассейн р. Сож, приведшая к оттоку части аборигенного гренского населения на север ареала, об этом, по мнению Е. Калечиц, позволяют судить данные палеодемографии.

Впервые в отечественной историографии Е. Калечиц попыталась провести реконструкцию демографической ситуации в каменном веке Восточной Беларуси (Калечиц, 2003. С. 163–167), предупредив, правда, о несовершенстве использованного ею метода подсчетов, основанного на оценке «количества биомассы, приходящейся на единицу площади, с учетом естественного прироста, не нарушающего экологическое равновесие» (Там же. С. 164–165). И все же Е. Калечиц, например, для гренской культуры в финальном палеолите определяет 25 человек, составлявших одну общину, которая обитала на площади 860 кв. км (Там же. С. 164).

Но буквально через 1,5–2 тысячи лет, после окончания ледниковой эпохи гренское население возросло в 60 (!) раз и составило 1500 человек или 50 общин, проживавших теперь на территории 45 тыс. кв. км (Там же). Следовательно, для того чтобы «оттеснить» гренских охотников из Нижнего Посожья, количество «постсвидерцев» в раннем мезолите должно быть или пропорционально равным, или превосходить численно. Однако это не согласуется с ранее высказанным мнением Е. Калечиц о малочисленности свидерских поселений в восточной части Белорусского Полесья и Верхнего Поднепровья (Там же. С. 66).

Даже если признать де-факто «свидерское давление» в низовьях Сожа на местное гренское население, то становится очевидной противоречивость всей концепции сложения сожской культуры, по которой: «Синтез гренских и свидерских традиций привел к созданию сожской культуры — генетической основы верхнеднепровской неолитической» (Калечиц, 2003. С. 67).

Противоречивый характер приобрел и тезис о совпадении ареалов гренской и сожской культур. «Поскольку ядро ареала гренской культуры, — пишет Е. Калечиц, — находится на территории верховий долин Днепра, Сожа и их притоков, естественно, что сменившие их поселения сожской культуры концентрируются там же» (Там же. С. 71). Следовательно, площадь распространения стоянок сожской культуры должна была соответствовать прежним размерам территории обитания гренских охотников в раннем мезолите, т. е. приблизительно 45 тыс. кв. км (Там же. С. 164). Но население сожской культуры, предполагает Е. Калечиц, насчитывало всего 500 человек или 15 общин против 50 гренских, объединявших ранее около 1500 человек. Само же сожское население проживало на территории площадью всего лишь 16 тыс. кв. км (Там же). И это вновь вызывает очередной вопрос: почему 8–6 тыс. лет назад зона обитания и количество сожских охотников сократились в три раза, тем более что в позднем мезолите в Верхнем Поднепровье, как считали исследователи, сложились весьма благоприятные природно-климатические условия и само население сожской культуры стало более оседлым (Там же. С. 66)?

Удивительным является и то, что и сожская, и днепро-деснинская культуры относились к кругу культур свидерских традиций. И это несмотря на то, что генетической основой, например, сожских древностей была гренская культура (техника расщепления, формы орудий труда) при сохранении *некоторых элементов* свидерской. Главным же критерием «свидерскости» кремневых комплексов стоянок Верхнего Поднепровья и Посожья являлось, безусловно, наличие в них «вплоть до развитого неолита постсвидерских наконечников стрел» (Там же. С. 67). К числу «постсвидерских» относились наконечники из пластин, черешок которых «как правило, подработан плоской ретушью с брюшка и выделен путем двухстороннего ретуширования со стороны брюшка или противоположающей ретушью со спинки и с брюшка» (Там же. С. 65).

Однако наличие в комплексах Посожья черешковых наконечников с плоской подтеской черешка не обязательно может быть напрямую связано со свидерской культурой. Ибо присутствие свидера на этой территории в эпоху мезолита и его роли в сложении неолитических культур требует серьезного источниковедческого обоснования. Открытие в бассейне р. Сож памятников бутовской и кудлаевской культур, в кремневом инвентаре которых также содержатся черешковые наконечники стрел, характеризующиеся как «постсвидерские», не обязательно теперь связываются только со свидерской культурой (Сорокин, 2006; Сорокин, Ошибкина, Трусков, 2009).

Естественно, все это осложняет решение вопроса о характере развития свидерских традиций на протяжении мезолита в Посожье. И, к сожалению, на данном этапе историографии мы не располагаем тем фактическим материалом, который позволит нам или напрямую связывать свидер с мезолитом рассматриваемого региона, или говорить об отдельной локальной группе памятников, возникшей на свидерской основе.

На наш взгляд, и сожская, и днепро-деснинская культуры, которые ранее включались в круг памятников постсвидерских традиций, не имеют самостоятельного значения в мезолите Верхнего Поднепровья и Посожья. В их комплексах мы не находим подтверждения представления о «слиянии» традиций разных культур, основной из которых была свидерская (Колосов, 2005а. С. 8–14; 2005в. С. 8–12; 2006. С. 74–76). Здесь нет также каких-либо специфических, типобразующих признаков, которые могли бы характеризовать эти культурные явления как локальные. Скорее всего, если речь идет о новой локальной культуре, то здесь, прежде всего, должны выступать не просто представления о заимствованиях, а идеи об эволюционном или

инновационном пути развития технокомплекса нового культурного образования. И неважно, будет это сожская, днепро-деснинская или другая так называемая конгломератная культура, состав ее находок должен отражать качественно новые технические изменения, в том числе и те, которые могли появиться в результате аккультурации традиций. И данные археологии по финальному палеолиту и мезолиту Посожья пока не дают и, вероятно, не дадут окончательного ответа на вопрос об условиях сложения и механизме культурного взаимодействия на этой территории.

На примере сожской и/или днепро-деснинской культур мы имеем дело только с понятием о простом заимствовании готовых форм (в первую очередь, наконечников стрел), которые выполнены в абсолютно разных технологических традициях: либо свидерских, либо гренских, либо лингбийских и т. д. Кроме этого, для характеристики сожских и днепро-деснинских древностей были использованы коллекции, синкретический комплекс находок которых является результатом механического смешения разнокультурных и разновременных материалов, что теперь не вызывает сомнений.

Таким образом, присутствие нестратифицированных памятников финального палеолита и мезолита в Посожье, наличие типологически разнородных в культурном и хронологическом отношениях форм кремневого инвентаря делают проблемным установление источниковедческой надежности имеющихся материалов. Значит ли это, что нам следует отказаться от возможности использования такого круга источников? Считаем, что нет, поскольку их изучение, по крайней мере, дало возможность обосновать для посожского региона финальный палеолит. Тот факт, что нам удалось обнаружить явление синкретизма в результате смешанности материалов, очень важен для понимания того культурного многообразия, которое сложилось на рассматриваемой территории в конце позднеледникового времени.

На примере памятников финального палеолита бассейна р. Сож появляется возможность говорить о материалах не менее трех культурных явлений: технокомплексов с листовидными и черешковыми наконечниками стрел, гренской и свидерской культур. Естественно, на данном источниковедческом уровне пока сложно говорить о генезисе и развитии кремневого инвентаря отдельных финальнопалеолитических памятников Посожья, особенно группы стоянок, отнесенных нами к кругу культур с листовидными и черешковыми наконечниками стрел, что определяет перспективные направления будущих исследований в этом направлении.

Каталог памятников финального палеолита в бассейне р. Сож

Гомельская область

Ветковский район

1. **Бартоломеевка** (Ветковский г/с). Стоянка на останце первой надпойменной террасы левого берега р. Беседь, в 0,35 км на север от фермы д. Бартоломеевка, возле моста через мелиоративный канал, в урочище Звезда. Открыла в 1978 г. и обследовала в 1979 г. Е. Калечиц, в 1992 г. — Ю. Ободенко и С. Кабишев.

В песчаных раздувах собраны многочисленные продукты расщепления кремня, концевые скребки, резцы, изделия с выемкой, проколки, черешковые наконечники стрел, отдельные из которых имеют дополнительную подправку насада плоской ретушью со стороны брюшка, рубящие орудия, отщепы и пластины с ретушью.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 137).

Новые Громыки (Аврамов Бугор) (Неглюбский с/с). Стоянка на первой надпойменной террасе левого берега р. Беседь, в 0,2 км на юго-запад от д. Новые Громыки, в урочище Аврамов Бугор.

Памятник открыла в 1975 г. и исследовала в 1977–1981 гг. Е. Калечиц на площади 775 кв. м. Обследовали в 1976 и 1985 г. Е. Калечиц, в 1988 г. — Е. Калечиц и Н. Бычков, в 1992 г. — Ю. Ободенко. Культурные отложения в виде расщепленного кремня, керамического материала эпохи неолита, бронзового и раннего железного веков, эпохи Древней Руси и позднего средневековья имеют мощность до 0,4 м, залегают в светло-желтом песке и стратиграфически не вы-

ражены. На площади раскопа обнаружены остатки двух жилищ округлой формы и 24 очага, которые датированы мезо- и неолитическим временем.

За годы работ на стоянке собрана достаточно представительная коллекция кремневого инвентаря (32631 ед.). Кремневый комплекс представлен многочисленными одно-, двух-, многоплощадочными и дисковидной формы нуклеусами, отщепами, пластинами, мелкими осколками. Среди изделий со вторичной обработкой (911 ед.) выделяются концевые, двойные, подокруглые и с «шипом» скребки, ретушные, срединные, на углу сломанной заготовки резцы, проколки, острия, изделия с выемкой, наконечники стрел с четко выделенным черешком, имеющим плоскую вентральную подправку.

Хронология и культурная принадлежность: среди изделий из кремня, основная часть которых датируется эпохой мезолита, неолита, бронзовым веком, присутствуют материалы финального палеолита (свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; Археологія і нумізматыка, 1993. С. 466; Калечиц, 1987. С. 20–26, 137; 2003, С. 62–63).

2. **Пролетарский-1А** (Светиловичский с/с). Стоянка на первой надпойменной террасе левого берега р. Сож, в 0,4 км южнее бывшего пос. Пролетарский. Открыли и обследовали в 1992 г. Ю. Ободенко и С. Кабишев.

Культурный слой на памятнике стратиграфически не прослеживается и разрушен эоловыми процессами. Кремневый инвентарь представлен отщепами и пластинами, концевыми скребками, ретушными и на углу сломанной заготовки резцами, черешковыми и ассиметричными с боковой выемкой наконечниками стрел. Один из наконечников с боковой выемкой имеет размеры 5,6×2,1×0,5 мм и покрыт патиной белого цвета.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (грэнская культура) (Фонды ГомДПА; Ободенко, Отчет по археологическому обследованию территории Ветковского района Гомельской области в 1992 г. Т. 1. С. 132–133).

3. **Присно** (центр с/с). Стоянка на 5–6-метровом останце первой надпойменной террасы правого берега р. Сож, в 1,2 км юго-западнее северной окраины д. Однополье, в 1,2 км юго-восточнее устья р. Липа. Открыла в 1971 г. и обследовала в 1974–1979, 1983, 1985 гг. Е. Калечиц, в 1986 и 1988 г. — Е. Калечиц и Н. Бычков.

Культурный слой памятника нарушен в результате эоловой дистурбации почвы. Среди находок отщепы, пластины, нуклеусы, концевые скребки, ретушные резцы, изделия с выемкой, черешковые наконечники стрел, отдельные из которых имеют подправку черешка плоской ретушью со троны брюшка.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 137).

4. **Рудня Споницкая-1 (Латки)** (Ветковский г/с). Стоянка на левом берегу р. Сож, в 0,3 км западнее д. Рудня Споницкая, в урочище Латки. Открыл в 1923–1925 гг. А. Кропоткин, обследовали в 1920-е гг. К. Поликарпович, в 1960-е гг. В. Будько и И. Тихоненков, в 1971, 1975–1976, 1978–1980 гг. Е. Калечиц, в 1975 г. Ю. Ободенко.

В раздувах песка собраны многочисленные отщепы, пластины, одно-, двух- и многоплощадочные нуклеусы, концевые скребки, ретушные, двугранные и на углу сломанной заготовки резцы, изделия с выемкой, черешковые наконечники стрел, проколки и острия.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Археологія і нумізматыка, 1993. С. 545; Будько, Вознячук, 1969; Калечиц, 1987. С. 137; Палікарповіч, 1932а. С. 218–221; Тихоненков, 1966. С. 256–261).

5. **Старое Село-6** (Хальчанский с/с). Стоянка на 5–7-метровом останце первой надпойменной террасы правого берега р. Сож, в 0,8 км юго-западнее фермы (южная окраина д. Старое Село), в урочище Городище. Открыл в 1966 г. В. Будько, обследовали в 1973 г. Ю. Ободенко, в 1975, 1978, 1980 г. — Е. Калечиц, в 1991–1992 гг. — Ю. Ободенко и С. Кабишев.

Кремневый инвентарь представлен продуктами расщепления кремня, концевыми скребками, проколками, остриями, свидероидным наконечником стрелы.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 137).

6. **Чемерня** (Светиловичский с/с). Стоянка на первой надпойменной террасе правого берега р. Сож, в 0,35 — 0,4 км северо-восточнее д. Чемерня, напротив городища. Открыл в 1928 г. К. Поликарпович, обследовали в 1966–1967 гг. В. Будько, в 1975–1982 гг. Е. Калечиц.

Среди находок: отщепы и пластины, концевые скребки, черешковый наконечник типа Лингби.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды ИИ НАНБ; ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 138; Поликарпович, 1968).

Гомельский район

7. **Залядь-1** (Улуковский с/с). Стоянка на 5–7-метровой первой надпойменной террасе правого берега р. Ипуть, в 0,25 км юго-восточнее д. Залядь, южнее сельского кладбища. Культурный слой распахивается. Площадь памятника 80×30 м. Открыла в 1977 г. и обследовала в 1979–1980 гг. Е. Калечиц, в 1986 и 1988 г. — Е. Калечиц и Н. Бычков, в 1977–1978 гг. — Ю. Ободенко.

Среди находок обнаружены нуклеусы, пластины и скребки, наконечники стрел на пластинах с плоской подтеской черешка.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Археологія і нумізматика, 1993. С. 260; Калечиц, 1987. С. 138).

8. **Залядь-2** (Улуковский с/с). Стоянка на мысовидной площадке 5–7-метровой первой надпойменной террасе правого берега р. Ипуть, в 0,25–0,3 км юго-восточнее восточной окраины д. Залядь, в 50 м южнее стоянки Залядь-1. Культурный слой распахивается. Площадь памятника 80×30 м. Открыла в 1977 г. и обследовала в 1979–1980 гг. Е. Калечиц, в 1986 и 1988 г. — Е. Калечиц и Н. Бычков, в 1977–1978 гг. — Ю. Ободенко.

Комплекс находок представлен нуклеусами, пластинами, скребками, ретушными и на углу сломанной пластины резцами, наконечниками стрел на пластинах с плоской вентральной подтеской черешка.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Археологія і нумізматика, 1993. С. 260; Калечиц, 1987. С. 138).

9. **Кленки-1 (Ильич-1)** (Улуковский с/с). Стоянка на 5–7-метровой надпойменной террасе левого берега р. Сож, в 1,8 км юго-западнее западной окраины д. Ильич, на левом склоне лога Горелый Олес, на третьем внутреннем мысу от устья лога. Культурный слой распахивается. Площадь памятника 100×40 м. Открыл в 1977 г. Ю. Ободенко. Обследовали в 1977–1979 гг. Ю. Ободенко, в 1979 г. Е. Калечиц, в 1986 г. Е. Калечиц и Н. Бычков.

Среди находок продукты расщепления кремня (одно-, двухплощадочные нуклеусы, отщепы, пластины), скребки, резцы, изделия с выемкой.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 138).

10. **Кленки-2 (Ильич-2)**, д. (Улуковский с/с). Стоянка на 3–4-метровой надпойменной террасе левого берега р. Сож, в 1,7 км юго-западнее д. Ильич, на правом склоне лога Горелый Олес. Открыл в 1976 г. Ю. Ободенко. Обследовали в 1977 — 1979 гг. Ю. Ободенко, в 1979 г. Е. Калечиц, в 1986 г. Е. Калечиц и Н. Бычков.

Кремневый инвентарь представлен продуктами расщепления кремня, скребками, резцами, изделиями с выемкой.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 138).

11. **Кленки-3 (Ильич-3)** (Улуковский с/с). Стоянка на 10–12 метровой надпойменной террасе левого берега р. Сож, на юго-западной окраине д. Ильич, в 0,4 км от железнодорожного моста. Открыл в 1973 г. и обследовал в 1973–1977 гг. Ю. Ободенко, в 1979 г. Е. Калечиц.

Собраны продукты расщепления кремня, скребки, резцы, изделия с выемкой, свидероидные черешковые наконечники стрел.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 138).

12. Кленки-4 (Ильич-4) (Улуковский с/с). Стоянка на 5–7-метровой надпойменной террасе вдоль старицы левого берега р. Сож, в 1,25 км северо-восточнее северной окраины д. Ильич, в 1,1 км от железнодорожного моста вверх по течению р. Сож. Открыл в 1972 г. Ю. Ободенко. Обследовала в 1979 г. Е. Калечиц.

Обнаружены продукты расщепления (одно- и двухплощадочные нуклеусы, отщепы и пластины), скребки, резцы, изделия с выемкой.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 138).

13. Кленки-5 (Ильич-5) (Улуковский с/с). Стоянка на 6–8 метровой надпойменной террасе левого берега р. Сож, в 1,4 км юго-западнее западной окраины д. Ильич, на приустьевой площадке мыса стреловидной формы. Открыл в 1972 г. и обследовал в 1974–1980 гг. Ю. Ободенко, в 1979 г. Е. Калечиц.

Обнаружены продукты расщепления кремня, скребки, резцы, изделия с выемкой, черешковые наконечники стрел, отдельные из которых имеют подправку насада плоской вентральной ретушью.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками, свидерская культуры) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 138).

14. Кленки-6 (Ильич-6) (Улуковский с/с). Стоянка на мысу 7–8 метровой надпойменной террасе левого берега р. Сож, в 0,5 км запад-юго-западнее западной окраины д. Ильич, между стоянками Кленки-3 и Кленки-5. Открыл в 1976 г. Ю. Ободенко, обследовала в 1979 г. Е. Калечиц.

Кремневый инвентарь содержит продукты расщепления кремня, скребки, резцы, изделия с выемкой, отщепы с ретушью, клювовидные острия и проколки.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 138).

15. Кленки-7 (Ильич-7) (Улуковский с/с). Стоянка на мысу 5–7-метровой надпойменной террасе левого берега р. Сож, в 1,9 км юго-западнее западной окраины д. Ильич, на левом склоне лога Горелый Олес, впадающего в пойму р. Сож, в междуречье Сожа и Ипути. Культурный слой разрушается распашкой. Площадь памятника 100×40 м. Открыл в 1973 г. и обследовал в 1977–1979 гг. Ю. Ободенко, в 1979 г. Е. Калечиц, в 1986 г. Е. Калечиц и Н. Бычков.

Обнаружены продукты расщепления кремня, скребки, резцы, изделия с выемкой.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 138).

16. Кленки-8 (Ильич-8) (Улуковский с/с). Стоянка на 5–7-метровой надпойменной террасе левого берега р. Сож, в 1,9 км юго-западнее западной окраины д. Ильич, на левом склоне лога Горелый Олес, впадающего в пойму р. Сож, в междуречье Сожа и Ипути. Открыла в 1979 г. Е. Калечиц, обследовали в 1986 г. Е. Калечиц и Н. Бычков. Культурный слой распашивается. Площадь памятника 100×40 м.

Коллекция находок представлена продуктами расщепления кремня, концевыми скребками, ретушными и на сломе заготовки резцами, изделиями с выемкой, свидероидными наконечниками стрел.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 138).

17. Осовцы-4 (Уза) (Давыдовский с/с). Стоянка на 5–7-метровой террасе в междуречье Сожа и Узы, в 1 км северо-западнее северной окраины д. Уза, южнее западной окраины город-

ского кладбища «Осовцы». Открыла в 1976 г. и обследовала в 1978 и 1983 г. Е. Калечиц, в 1986 г. — Е. Калечиц и Н. Бычков.

Собраны пластины, отщепы, фрагмент наконечника стрелы или острия, ретушный резец, отщепы с ретушью.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, Бычков, отчет за 1986 г. С. 14).

18. **Романовичи-1** (Улуковский с/с). Стоянка на 4–5-метровом останце первой надпойменной террасы правого берега р. Ипуть, в 0,5 км восточнее д. Романовичи.

Открыла в 1977 г. и обследовала в 1978–1981 гг. Е. Калечиц в 1986 и 1988 г. — Е. Калечиц и Н. Бычков, в 1977 г. Ю. Ободенко.

Кремневый инвентарь включает продукты расщепления кремня, скребки, резцы, изделия с выемкой.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел, свидерская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 138).

Кормянский район

19. **Ворновка (Гренск)** (центр с/с). Стоянка на останце первой надпойменной террасы, в 2 км восточнее д. Ворновка, в 0,25 восточнее д. Лядцы. Открыл в 1927 г. К. Поликарпович, исследовали в 1959–1961 гг. В. Будько (60 или 90 кв. м), в 1977, 1980–1981 гг. В. Копытин (380 кв. м). Обследовали в 1971 г. Е. Калечиц, в 1977 г. Ю. Ободенко, в 2005 г. Е. Калечиц и А. Колосов. Культурный слой залегает в светло-желтом песке на глубине 0,1–0,5 м от дневной поверхности.

Кремневый инвентарь памятника включает 3699 ед. (по материалам раскопок В. Копытина), в том числе многочисленные одно- и двухплощадочные нуклеусы, отщепы, пластины, мелкие осколки. Среди орудий труда (204 ед.) выделяются концевые, двойные подокруглые и с «шипом» скребки, ретушные, срединные и угловые резцы, проколки, острия, изделия с выемкой. Предметы вооружения представлены двумя основными типами: черешковыми и ассиметричными с боковой выемкой (рис. 4: 1–6, 9–24). Наибольшее типологическое разнообразие проявляет первая группа наконечников, в первую очередь, за счет разных способов оформления пера. В связи с этим выделяются наконечники с естественным заострением пера, наконечники, перо которых подправлено или скошено ретушью, дополнительно подправлено резцовым сколом. Единичные экземпляры имеют плоскую подтеску черешковой части со стороны брюшка и относятся к числу наконечников свидерских форм (рис. 4: 20).

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (гренская и свидерская культуры) (Фонды ИИ НАНБ; фонды МОКМ; Археологія і нумізматыка, 1993. С. 201; Будько, отчет за 1960–1961, л. 11–41; отчет за 1961 г.; 1966. С. 35–46; Будько, Дневник за 1959 г.; Калечиц, 1987. С. 140; Копытин, 1992. С. 32–38; 1994. С. 34–59; Палікарповіч, 1928. С. 463–472).

20. **Ворновка (Подмосковщина)** (центр с/с). Стоянка на песчаных всхолмлениях 5–7-метровой надпойменной террасы правого берега р. Сож, в 0,5 км северо-восточнее д. Ворновка, в урочище Подмосковщина. Открыл в 1930 г. К. Поликарпович. Обследовали в 1971 г. Е. Калечиц, в 1977 г. Ю. Ободенко.

Среди находок продукты расщепления кремня, концевые скребки, срединные резцы.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды ИИ НАНБ; фонды ГомДПА; Калечиц, 1987. С. 140).

21. **Костюковка (Взлужье)** (Золотоминский с/с). Стоянка на правом берегу р. Сож, южнее д. Костюковка, в урочище Взлужье. Открыл и обследовал в 1927 г. К. Поликарпович.

Среди находок представлены отщепы, пластины, нуклеусы, скребки, резцы, свидероидные наконечники стрел на пластинах с плоской подтеской черешка со стороны брюшка.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Калечиц, 1987. С. 141; Палікарповіч, 1928. С. 420–424).

22. **Литвиновичи** (центр с/с). Стоянка в междуречье р. Сож и Мужанка, в урочище Телец. Открыл и обследовал в 1927 г. К. Поликарпович.

Кремневый инвентарь содержит отщепы, пластины, нуклеусы, концевые скребки, резцы, черешковые и ассиметричные с боковой выемкой наконечники стрел.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (грэнская культура) (Фонды ИИ НАНБ; Калечиц, 1987. С. 141; Палікарповіч, 1928. С. 432–436).

23. **Остров-1** (Коротьковский с/с). Стоянка на мысовидном возвышенном участке, высотой 3–11 м над уровнем поймы левого берега р. Добрич, в 0,2–0,3 км западнее западной окраины д. Остров, западнее сельского кладбища. Открыл и обследовал в 1996 г. Ю. Ободенко.

На площади памятника обнаружены многочисленные продукты расщепления, представляющие полный цикл производственной обработки сырья, встречающегося непосредственно на памятнике, отбойники и наковали, концевые скребки, рубящие орудия и их заготовки.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды ГомДПА; Ободенко, Отчет отделу археологии Института истории АН РБ по археологической разведке на территории Гомельской области в 1996 г. Т. 1. С. 31–32. Таб. 5–11).

24. **Остров-2** (Коротьковский с/с). Стоянка на 2–5-метровой надпойменной террасе левого берега р. Добрич, в 1,8 км западнее западной окраины д. Остров, «за устьем первого от деревни лога, прорезающего борт долины». Открыл и обследовал в 1996 г. Ю. Ободенко.

Находки представлены исключительно отщепами, нуклеусами, ретушным резцом.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды ГомДПА; Ободенко, Отчет отделу археологии Института истории АН РБ по археологической разведке на территории Гомельской области в 1996 г. Т. 1. С. 30. Таб. 12: 5, 7).

Чечерский район

25. **Турищевичи** (Чечерский с/с). Стоянка на 10–12-метровой второй надпойменной террасе правого берега р. Сож, в 0,2 км северо-восточнее д. Турищевичи, южнее ручья Подобчего, в урочище Пелева. В настоящее время склоны и площадка террасы густо поросли лесом, что затрудняет проведение полномасштабных работ на памятнике. Вместе с тем вдоль дороги, идущей на д. Ворновка Кормянского района, А. Колосову удалось собрать представительную коллекцию кремневого находок, среди которых многочисленные одно-, двухплощадочные и аморфные нуклеусы, отщепы, пластины, концевые скребки, ретушные резцы, изделия с выемкой, скребловидное изделие, рубящие орудия, отдельные из которых имеют перехват, ассиметричный наконечник стрелы грэнского типа (рис. 9–11).

Открыл в 1927 г. К. Поликарпович, обследовали в 1950-е гг. В. Будько, в 1971 и 1974 гг. Е. Калечиц, в 2006 г. А. Колосов.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (грэнская культура) (Фонды ИИ НАНБ; фонды МГУ; Очерки, 1970. С. 59; Калечиц, 1987. С. 144; Палікарповіч, 1928. С. 475–476).

Могилевская область

Климовичский район

26. **Борисовичи-1** (Лобжанский с/с). Стоянка на 3–4-метровой первой надпойменной террасе левого берега р. Сож, в 1 км западнее д. Борисовичи, в 0,1 км юго-восточнее устья безымянного ручья (левый приток Сожа), в 0,25 км восточнее захороненной д. Игнатовка. Открыл и обследовал 1994 г. В. Копытин, в 2005 и 2008 гг. — А. Колосов.

На вспаханном поле собраны нуклеусы, отщепы, пластины, свидероидный наконечник стрелы с выделенным полукрутой ретушью черешком, подправленным плоской ретушью с брюшка. Представительна серия концевых скребков, ретушных и на сломе заготовки резцов, изделий с выемкой, рубящих орудий, пластин и отщепов с ретушью.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел, свидерская культура) (Фонды МГУ; Копытин, 1998. С. 70; Колосов, 2009а).

27. Борисовичи-3 (Лобжанский с/с). Стоянка на 4-метровой первой надпойменной террасе левого берега Сожа, в 0,25 км западнее д. Борисовичи и курганного могильника, в 0,2 км восточнее стоянки-1. Открыл и обследовал в 2008 г. А. Колосов.

Культурный слой памятника разрушается пахотой. На площади 120×50 м обнаружены многочисленные нуклеусы, отщепы и пластины, а также орудия труда: концевые скребки, скребловидное изделие, отщепы с ретушью, пластина со скошенным ретушью концом, свидероидный наконечник стрелы, средневысокая трапеция.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел, свидерская культура) (Фонды МГУ; Колосов, 2009а).

28. Вознесенск (Муравец) (Тимоновский с/с). Стоянка на 10–12-метровой террасе левого берега безымянного ручья (левый приток р. Лобжанка), в 1 км северо-западнее бывшего пос. Вознесенск, на северо-западной окраине бывшей д. Муравец. Открыл в 1995 г. и обследовал в 1998 г. В. Копытин, в 2008 г. А. Колосов.

Культурный слой памятника нарушен пахотой. Среди собранных находок многочисленные одно- и двухплощадочными нуклеусы, отщепы и пластины. Орудийный комплекс характеризуется находками скребков, резцов, ретушеров, проколов и острий, изделий с выемкой, грубых топоров, черешкового наконечника дротика. Поверхность отдельных предметов покрыта патиной белого и молочного цветов.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды МГУ; Копытин, 1998. С. 85, Колосов, 2009а. С. 115).

29. Рудня-1 (Лобжанский с/с). Стоянка на 4-метровой первой террасе левого берега р. Сож (2,8 км), в 0,6 км северо-западнее д. Рудня. Открыл в 1994 г. В. Копытин, обследовал в 2005–2006 гг. А. Колосов. Памятник исследован в 2007–2008 гг. А. Колосовым на площади 350 кв. м. Культурный слой залегает в светло-желтом песке на глубине 0,1–0,5 м и частично нарушен пахотой.

Кремневый инвентарь памятника насчитывает 35356 артефактов, среди которых 1095 изделий имеют вторичную обработку поверхности. Основной фон коллекции представляют находки эпохи неолита. К числу финальнопалеолитических относятся отдельные формы одно- и двухплощадочных нуклеусов, концевых скребков, ретушных и двугранных резцов, черешковых наконечников стрел, отдельные из которых имеют подправку насада фасетками плоской ретушью со стороны брюшка.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел, свидерская культура) (Фонды МГУ; Колосов, 2009а; Копытин, 1998. С. 76).

Костюковичский район

30. Гайковка (Печенеж) (Деряженский с/с). Стоянка на правом берегу р. Деряжня, в 0,1 км юго-западнее д. Печенеж и 0,5 км д. Гайковка, на берегу древнего заболоченного озера. Открыл в 1929 г. К. Поликарпович, исследовал в 1972 г. В. Копытин на площади 265 кв. м. Культурный слой залегает в оглеенном лесе на глубине 0,4–0,5 м, нарушен делювиальными процессами и пахотой. На площади памятника обнаружены остатки двух размытых очагов.

Кремневый инвентарь, полученный в итоге раскопок, насчитывает 1974 артефакта, в том числе продукты расщепления кремня (одно- и двухплощадочные и аморфные нуклеусы, отщепы, пластины) и орудия труда (351 ед.): концевые, двойные и округлые скребки, ретушные, двугранные и на сломе заготовки резцы, проколки, изделия с выемкой, рубящие орудия труда, топоры и тесла, пластины и отщепы с ретушью, черешковые наконечники стрел.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (грэнская культура) (Фонды МОКМ; Археалогія і нумізматыка, 1993. С. 148; Археалогія Беларусі, 1997. С. 60–61;

Калечиц, 1987. С. 147; Копытин, 1973. С. 301–304, 310–312; 1992. С. 32–47; Палікарповіч, 1927. С. 235–247).

Краснопольский район

31. Папоротки (Сидоровский с/с). Стоянка на правом берегу р. Якушевка. в 0,7 км северо-восточнее устья, на мысу, ограниченном поймами рр. Сож и Якушевка с западной и южной стороны, в 2 км западнее д. Папоротки. Открыл в 1927 г. К. Поликарпович, обследовал в 1996 г. В. Копытин.

Кремневый инвентарь включает куски и конкреции кремня, свидероидные наконечники стрел, концевые скребки из пластин, ретушные резцы, острия, пластины и их обломки, отщепы, отдельные из которых имеют мелкую ретушь по краю.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды МОКМ; Копытин, 1996. С. 57; Палікарповіч, 1930, С. 412).

Кричевский район

32. Дяговичи (Краснобудский с/с). Стоянка на второй надпойменной террасе левого берега р. Остер, в 2,5 км северо-восточнее д. Дяговичи. Открыл и обследовал в 2008 г. А. Колосов.

В обнажении террасы собраны немногочисленные отщепы и пластины палеолитического облика; поверхность отдельных артефактов патинирована.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды МГУ; Колосов, 2009а).

33. Лобковичи (Староселье) (центр с/с). Стоянка на первой надпойменной террасе правого берега р. Сож, ниже устья р. Черная Натопа, в 1,5 км восточнее северной окраины д. Лобковичи, в 1 км юго-западнее д. Староселье. Культурный слой памятника разрушается пахотой. Открыл в 1931 г. К. Поликарпович, обследовали в 1998 г. В. Копытин, в 2004 г. А. Колосов.

На поверхности распаханной террасы найдены единичные пластины и отщепы, отдельные из которых покрыты патиной белого цвета.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Калечиц, 1987. С. 147; Колосов, 2009а; Палікарповіч, 1932б. С. 229).

34. Первокричевский-3 (Костюшковский с/с). Стоянка на 7–10-метровой террасе правого берега р. Сож, в 0,25 км восточнее пос. Первокричевский, с северной стороны курганного могильника, в урочище Испуды. Открыл в 1931 г. К. Поликарпович, обследовали в 1998 г. В. Копытин и в 2004 г. А. Колосов. Исследовал А. Колосов в 2005 г. на площади 220 кв. м. Культурный слой памятника нарушен пахотой.

Коллекция кремневого инвентаря, полученная в итоге раскопок, насчитывает 2391 ед., в том числе 157 орудий со вторичной обработкой. Среди находок встречены конкреции и осколки кремня, одно-, двух-, многоплощадочные и дисковидной формы нуклеусы, отщепы, пластины, мелкие осколки, черешковые наконечники стрел, по форме схожие с наконечниками типа лингби; свидерские наконечники, черешковая часть которых дополнительно обработана плоской ретушью со стороны брюшка; концевые и двойные скребки; ретушные, двугранные и на сломе заготовки резцы; острия и проколки, изделия с выемкой, пластины со скошенным ретушью концом, пластины с притупленным краем, скребловидные и рубящие орудия (рис. 12–13).

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел, свидерская культура) (Фонды МГУ; Колосов, 2009а; Палікарповіч, 1932б. С. 229–230).

35. Поклады-1 (Костюшковский с/с). Стоянка на первой надпойменной террасе правого берега р. Сож, в 1,5 км юго-западнее д. Поклады, между кладбищем и дачным поселком, на протяжении до 400 м при ширине до 90 м. Культурный слой памятника частично нарушен пахотой. Открыл в 1931 г. К. Поликарпович, обследовали в 1969 г. В. Будько, в 1998 г. В. Копытин, в 2004 г. А. Колосов.

Кремневый инвентарь характеризуется находками нуклеусов и отщепов, пластин, а также черешковым наконечником стрелы, скребками, резцами, остриями.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды МГУ; Калечиц, 1987. С. 147; Паликарпович, 1932б. С. 230).

36. Поклады-2 (Костюшковский с/с). Стоянка на 3–5-метровой первой надпойменной террасе правого берега р. Сож, в 1,3 км юго-западнее д. Поклады, северо-восточнее кладбища и курганного могильника, в лесу. Открыл в 1998 г. В. Копытин, исследовал в 2004 г. А. Колосов на площади 90 кв. м. Культурный слой залегает в светло-желтом песке на глубине 0,1–0,6 м, нарушен поселениями неолита, бронзового и раннего железного веков, эпохи средневековья и современными захоронениями сельского кладбища. На площади раскопа обнаружены остатки двух очагов и столбовой ямки.

Кремневый инвентарь насчитывает 873 артефакта. Среди находок: продукты расщепления кремня (нуклеусы, отщепы, пластины, мелкие осколки), концевые и двойные скребки, ретушные, на сломе заготовки и двугранные резцы, изделия с выемкой, острия, проколки, рубящие орудия, черешковые и ассиметричные наконечники стрел гренского типа, пластины и отщепы с ретушью (рис. 7–8).

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (гренская культура) (Фонды КРИКМ; Колосов, 2005. С. 16–25).

37. Поклады-5 (Костюшковский с/с). Стоянка на второй надпойменной террасе правого берега р. Сож, в 2 км северо-восточнее д. Поклады, в 0,8 км южнее очистных сооружений, на опушке леса. Открыл в 1998 г. В. Копытин, обследовал в 2004–2005 гг. А. Колосов.

В обнажении террасы собраны продукты расщепления кремня, двугранные резцы, концевой скребок, изделие с выемкой и ретушер.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды МГУ; Колосов, 2009а).

Славгородский район

38. Александровка-2 (Толкачевка) (Гиженский с/с). Стоянка на 4–5-метровой первой надпойменной террасе правого берега р. Сож, ниже устья р. Лобчанка, в 1,2 км восточнее д. Александровка 2-я, возле курганного могильника. Открыл в 1928 г. К. Поликарпович, обследовали в 1936 г. А. Коваленя, в 1972 и 1997 г. В. Копытин.

Коллекция находок представлена продуктами расщепления кремня (одно- и двухплощадочные нуклеусы, пластины и их фрагменты, отщепы). Среди орудий труда изделия с выемкой, пластина с притупленным ретушью краем, концевые скребки, дублированный ретушный резец, свидероидный черешковый наконечник стрелы.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (свидерская культура) (Фонды МОКМ; Калечиц, 1987. С. 148; Поликарпович, 1957. С. 133–134).

39. Рудня (Васьковичский с/с). Стоянка на правом берегу р. Песчанка, протекающей по пойме Сожа, в 1 км южнее д. Рудня и кладбища, в 60 м западнее бровки террасы, в 1,3 км восточнее шоссе Рудня — Гайшин. Открыл в 1928 г. К. Поликарпович, обследовал в 1997 г. В. Копытин.

Коллекция кремневого инвентаря включает отщепы, фрагменты пластин, ассиметричный черешковый наконечник стрелы гренского типа.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (гренская культура) (Фонды МОКМ; Копытин, 1997. С. 80–81; Поликарпович, 1957. С. 127).

Чериковский район

40. Баков-1 (Езерский с/с). Стоянка на 5–6-метровой надпойменной террасе правого берега р. Сож, в 200 м северо-восточнее д. Баков. Открыл в 1928 г. К. Поликарпович, обследовали в 1972 г. В. Копытин, в 2000 г. А. Колосов.

Среди находок продукты расщепления кремня (нуклеусы, отщепы), концевые скребки, ретушный резец и отщепы с ретушью.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды МГУ; Калечиц, 1987. С. 150; Колосов, 2009а; Поликарпович, 1957. С. 75).

41. **Баков-1А**, д. (Езерский с/с). Стоянка на второй надпойменной террасе правого берега р. Сож, в 0,1–0,15 км западнее стоянки-1. Открыл в 2000 и обследовал в 2008 г. А. Колосов.

Вдоль дороги на д. Журавель обнаружено около 30 кремневых артефактов: пренуклеус, отщепы, отдельные из которых имеют ретушь по краю, изделие с выемкой, трансверсальный резец, три концевых скребка на ретушированных заготовках и скребок-изделие с выемкой. Поверхность отдельных находок патинирована.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды МГУ; Колосов, 2009а).

42. **Баков-3** (Езерский с/с). Стоянка на первой надпойменной террасе правого берега р. Сож, в 1,6 км юго-западнее д. Баков, в 0,4 км юго-восточнее бывшего пос. Ремидовщина, восточнее дороги Полипень — Ремидовщина, выходящей в пойму реки. Открыли и обследовали в 2006 г. А. Колосов и А. Песковский.

В обнажении террасы собраны одно- и двухплощадочные нуклеусы, отщепы, пластины, концевые скребки, резец на сломе заготовки, изделия с ретушью и ретушер.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды МГУ; Колосов, 2009а).

43. **Горки** (Сормовский с/с). Стоянка на первой надпойменной террасе правого берега р. Сож, в 1,5 км юго-западнее д. Горки, в урочище Угаревка. Открыл в 1928 г. К. Поликарпович, исследовал в 1974–1989 гг. В. Копытин на площади 1668 кв. м, обследовал в 2000–2002 гг. А. Колосов. Культурный слой памятника залегает в светло-желтом песке на глубине 0,2–0,5 м, нарушен поселениями эпохи средневековья.

В результате раскопок обнаружено 52895 ед. кремневого инвентаря: многочисленные обломки кремня и конкреции, одно-, двух- и многоплощадочные нуклеусы, отщепы, пластины и мелкие осколки. Изделия со вторичной обработкой представлены концевыми и двойными скребками, ретушными, на сломе заготовки, двугранными и комбинированными резцами, проколками, остриями, скобелями, скребловидными и рубящими орудиями, двумя трапециями, ассиметричным и черешковыми наконечниками стрел, отдельные из которых выполнены в свидерской и постсвидерской манере (рис. 14).

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел, свидерская культура) (Фонды МОКМ; фонды МГУ; Археалогія Беларусі, 1997. С. 55–59; Археалогія і нумізматыка Беларусі, 1993. С. 182; Калечиц, 1987. С. 150; Копытин, 1992. С. 49–54; 1999. С. 264; Поликарпович, 1957. С. 60).

44. **Журавель** (Сормовский с/с). Стоянка на 5–6-метровой первой надпойменной террасе правого берега р. Сож, в 1,5 км юго-западнее бывшей д. Журавель, в урочище Мел. Культурный слой залегает в светло-желтом песке на глубине 0,2–0,6 м. Открыл в 1928 г. К. Поликарпович. Исследовали в 1934 г. К. Поликарпович (12 кв. м), в 1972–1973 гг. В. Копытин (130 кв. м); обследовала в 1978 г. Е. Калечиц.

Коллекция находок, полученная в процессе раскопок В. Ф. Копытина, насчитывает 6247 ед.: конкреции и их обломки, одно- двух и многоплощадочные нуклеусы (рис. 5), отщепы, пластины, мелкие осколки. Орудия труда (293 ед.) представлены черешковыми наконечниками стрел, отдельные из которых напоминают тип Хинтерзее, один имеет ассиметричную форму заготовки и два — плоскую подтеску черешка со стороны брюшка (рис. 6: 1–7). Массовые категории орудий образуют концевые, двойные и округлые скребки, ретушные, двугранный и на углу сломанной заготовки резцы, острия и проколки, изделия с выемкой, скребла, рубящие орудия, пластины и отщепы с ретушью (рис. 6: 8–24).

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (грэнская культура) (Фонды МОКМ; Археалогія Беларусі, 1997. С. 59–60; Археалогія і нумізматыка, 1993. С. 253; Калечиц, 1987. С. 150; Копытин, 1986. С. 131–138; Поликарпович, 1957. С. 66–71).

45. **Чериков-5** (центр района). Стоянка на второй надпойменной террасе правого берега р. Сож (0,7 км), в 500 м юго-западнее г. Чериков, в 1,3 км южнее городского кладбища, восточ-

нее дороги на д. Мирогощ, севернее урочища Крутой Ров. Открыл в 2000 г. и обследовал в 2002 г. А. Колосов

На поверхности распаханной террасы собраны отщепы и пластины, отдельные из которых имеют ретушь, нуклеусы, куски кремня со следами обработки. Часть изделий на поверхности сохраняет патину белого цвета.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел) (Фонды МГУ; Колосов, 2009а).

46. **Чериков-8** (центр района). Стоянка на левом берегу безымянного ручья, в 0,9 км западнее хлебозавода г. Чериков, на поле, в урочище Победное. Открыл и обследовал в 2002 г. А. Колосов.

Вдоль бровки распаханной террасы встречаются отщепы, пластины, одноплощадочные нуклеусы, ассиметричный черешковый наконечник стрелы, заготовка черешкового орудия, изделия с выемкой.

Хронология и культурная принадлежность: финальный палеолит (технокомплекс с листовидными и черешковыми наконечниками стрел, свидерская культура) (Фонды МГУ; Колосов, 2009а).

Литература

- Абухоўскі В. Знаходкі крамянёвых і каменных вырабаў ад палеаліту да ранняга жалезнага веку з тэрыторыі Беларусі ў фондах Дзяржаўнага Археалагічнага Музея ў Варшаве. Варшава, 2003
- Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 1: Каменны і бронзавы вякі. Мн., 1997.
- Археалогія і нумізматыка Беларусі. Мн., 1993.
- Балакин С. А., Нужный Д. Ю. Хозяйственно-экономическое развитие в голоцене и проблема археологических критериев мезолита // Каменный век на территории Украины: Некоторые аспекты хозяйства и этнокультурных связей. Киев, 1990.
- Будько В. Д. Палеолит Белоруссии: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1962.
- Будько В. Д. Памятники свидерско-гренской культуры на территории Белоруссии // МИА. № 126. М.; Л., 1966.
- Будько В. Д., Вознячук Л. Н. Палеолит Белоруссии и смежных территорий (итоги исследований за годы советской власти) // Древности Белоруссии. Мн., 1969.
- Будько В. Д., Сорокина Р. А. Поздний палеолит Северо-Запада Русской равнины // Природа и развитие первобытного общества. М. 1969.
- Воеводский М. В. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эппалеолита на территории Восточной Европы // Труды АИЧПЕ. Вып. 5. М.; Л., 1934.
- Воеводский М. В. Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. 1950. Вып. XXXI.
- Гурина Н. Н. Новые данные о каменном веке северо-западной Белоруссии // МИА. № 131. М.; Л., 1965.
- Гурина Н. Н. К вопросу о некоторых общих и особенных чертах мезолита лесной и лесостепной зон европейской части СССР // КСИИМК. 1977. Вып. 149.
- Гурина Н. Н. Кремнеобрабатывающая мастерская в верховьях Днепра // МИА. № 185. Л., 1972.
- Зализняк Л. Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1989.
- Зализняк Л. Л. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи. Київ, 1999.
- Зализняк Л. Л. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація // Кам'яна доба України. Вип. 8. Київ, 2005.
- Калечиц Е. Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. Мн., 1987.
- Калечиц Е. Г. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век. Мн., 2003.
- Колосов А. В. История изучения и проблемы историографии сожской мезолитической культуры // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. 2005а. № 4.
- Колосов А. В. Мезолитическая стоянка Поклады-2 в Кричевском Посожье // Гістарычна-археалагічны зборнік. 2005б. № 20.
- Колосов А. В. О некоторых проблемах изучения сожской культуры эпохи мезолита Могилёвского Поднепровья // Шляхі Магілёўскай гісторыі: зборнік навуковых прац удзельнікаў IV Міжнароднай навук. канферэнцыі (Магілёў, 23–24 чэрвеня 2005 г.). Магілёў, 2005в.

- Колосов А. В. Сожская мезолитическая культура: проблемы изучения // Романовские чтения-2: сб. трудов Международной научной конференции (Могилев, 10–11 ноября 2005 г.). Могилев, 2006.
- Колосов А. В. Финальный палеолит и мезолит Белорусского Посожья // Русский сборник: труды кафедры Отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского. Вып. 4. Брянск, 2008.
- Колосов А. В. Археологические древности Могилевского Посожья (по материалам экспедиций 2002 — 2008 гг.). — Могилёв, 2009а.
- Колосов А. В. Финальный палеолит Посожья: новые данные — новые вопросы // Романовские чтения-V: сборник трудов Международной научной конференции (Могилёв, 27–28 ноября 2008 г.). Могилёв, 2009б.
- Колосов А. В. Финальный палеолит и мезолит Посожья // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 18. 2010.
- Кольцов Л. В. Мезолитический слой стоянки Алтыново // КСИА. 1972. Вып. 131.
- Кольцов Л. В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977.
- Копытин В. Ф. Новые данные по мезолиту Юго-Восточной Белоруссии // The Mesolithic in Europe. Warszawa, 1973.
- Копытин В. Ф. Позднемезолитическая стоянка Печенеж // КСИА. 1975. Вып. 141.
- Копытин В. Ф. Мезолит Юго-Восточной Белоруссии // КСИА. 1977. Вып. 149.
- Копытин В. Ф. Поздний мезолит Посожья // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983.
- Копытин В. Ф. К характеристике мезолита Верхнего Поднепровья (по материалам стоянки Журавель) // Палеолит и неолит. Л. 1986.
- Копытин В. Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. Могилёв, 1992.
- Копытин В. Ф. Некоторые итоги изучения Гренской стоянки // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 5. 1994.
- Копытин В. Ф. Археологические памятники Краснопольского района Могилевской области. Могилев, 1996.
- Копытин В. Ф. Археологические памятники Славгородского района Могилевской области. Мн., 1997.
- Копытин В. Ф. Археологические памятники Климовичского района Могилевской области. Могилев, 1998.
- Копытин В. Ф. Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья // Tanged points cultures in Europe. Lublin, 1999.
- Копытин В. Ф. У истоков гренской культуры. Боровка. Могилев, 2000.
- Копытин В. Ф. Финальный палеолит Верхнего Поднепровья как историческая эпоха // Гістарычна-археалагічны зборнік. 2005. № 20.
- Кравцов А. Е., Сорокин А. Н. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.
- Кравцов А. Е., Жилин М. Г. Опыт функционально-планиграфического анализа мезолитической стоянки Беливо-4Г-северная // РА. 1995. № 2.
- Ксензов В. П. Поздний мезолит Белорусского Правобережья Днепра // СА. 1986. № 1.
- Ксензов В. П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. — Мн., 1988.
- Ксензов В. П. Мезолитическая днепро-деснинская культура // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1994а. №5.
- Ксензов В. П. Мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья: автореф. дисс. ... д-ра. ист. наук: 07.00.06. Мн. 1994б.
- Ксензов В. П. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси // РА. 1997. № 1.
- Ксензов В. П. Новые памятники гренской культуры в Белорусском Поднепровье // Tanged pointes cultures in Europe. Lublin, 1999.
- Ксензов В. П. Мезолит Северной и Центральной Беларуси // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. 2006. Вып. 13.
- Ландшафты Белоруссии / под общ. ред. Г.И. Марцинкевич, Н.К. Клицуновой. Мн., 1989.
- Леонова Е. В. К проблеме археологического содержания иеневской культуры Волго-Окского бассейна // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер). М., 2007.
- Неприна В. И., Зализняк Л. Л., Кротова А. А. Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев, 1986.
- Обуховский В. С. «Гренский след» в финальном палеолите междуречья Немана, Припяти и Вислы // Романовские чтения-3: сборник трудов Международной научной конференции (Могилёв, 23–24 ноября 2006 г.). Могилев, 2007.

Очерки по археологии Белоруссии: в 2-х ч. Ч. 1. Мн., 1970.

Палікарповіч К.М. Нэолітычная стаянка каля балота Печанеж на Калініншчыне // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1927. № 1.

Палікарповіч К. М. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа (па досьледах 1926 г.) // Працы кафедры археолёгіі. Т. 1. Мн., 1928.

Палікарповіч К. М. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа. Матэр'ялы абсьледваньня 1927 г. // Працы кафедры археолёгіі. Т. 2. Мн., 1930.

Палікарповіч К. М. Знахадкі рэштак чацьвярцічнай фаўны на тэрыторыі БССР // Прыцы сэкцыі археалёгіі. Т. 3. Мн., 1932а.

Палікарповіч К. М. Досьледы культур каменнага і бронзавага перыодаў у БССР у 1930–1931 гг. // Прыцы сэкцыі археалёгіі. Т. 3. Мн., 1932б.

Поликарпович К. М. Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий Верхнего Поднепровья // Труды АИЧПЕ. Вып. IV. М.; Л.-Новосибирск, 1934.

Поликарпович К. М. Стоянки среднего Посожья // Материалы по археологии БССР. Т. 1. Мн., 1957.

Поликарпович К. М. Палеолит Верхнего Поднепровья. Мн., 1968.

Поплевко Г. Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий // Труды Института истории материальной культуры. Т. 23. СПб., 2007.

Римантене Р. К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.

Синицына Г. В. Заселение Валдайской возвышенности на рубеже плейстоцена — голоцена // Путь на Север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. Материалы международной конференции. М., 2008.

Сорокин А.Н. Мезолит бассейнов Десны и Оки (по материалам работ Деснинской экспедиции) // КСИА. 1986. Вып. 188.

Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского Полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М., 2002.

Сорокин А.Н. Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины; под ред. Х.А. Амирханова. М., 2004.

Сорокин А. Н. Проблемы мезолитоведения. The Mesolithologic Problems. М., 2006.

Сорокин А., Ошибкина С., Трусов А. На переломе эпох. М., 2009.

Тихоненков И. М. Кремневый инвентарь стоянки Латки // Вопросы истории и археологии. Мн., 1966.

Формозов А. А. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР // СА. 1954. Т. 21.

Формозов А. А. Использование подъемного материала с дюнных стоянок в археологических исследованиях // КСИА. 1975. Вып. 75.

Чарняўскі М. М., Кудрашоў В. Я., Ліпніцкая В. Л. Старажытныя шахцёры на Рось. Мн., 1996.

Butrimas A., Ostrauskas T. Tanged points cultures in Lithuania // Tanged pointes cultures in Europe. Lublin, 1999.

Kozłowski S.K. The tanged Points Complex // Tanged points Cultures in Europe. Lublin, 1999.

Kravtsov A.E. Concerning the dating of the yenevo culture // Tanged pointes cultures in Europe. Lublin, 1999.

Obuchowski W. Materiały paleolityczne i mezolityczne z zachodniej Białorusi // Swiatowit. Vol. XVI. IAU Warszawski, 2009.

Šatawičius E. Swidrų kultūra Lietuvoje // Lietuvos archeologija. T. 29. Vilnius, 2005.

Sulgostowska Z. Kontakty społeczności późnopaleolitycznych i mezolitycznych między Odrą, Dzwina i górnym Dniestrem. Warszawa, 2005.

Szymczak K. Epoka kamienia Polski północno-wschodniej na tle środkowoeuropejskim. Warszawa, 1995.

Архивные материалы

Будько В. Д. Дневник о работе в Бердыже в 1959 г. // Архив археологической научной документации ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». Арх. № 395.

Будько В. Д. Отчет о работах в Гренске в 1960–1961 гг. // Архив археологической научной документации ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». Арх. № 346.

Будько В. Д. Отчет об исследовании памятников свидерско-гренской культуры в 1961 г. // Архив археологической научной документации ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». Арх. № 206, 206а (альбом).

Калечиц Е. Г., Бычков Н. В. Отчет о полевых исследованиях 1986 г. Сожского отряда // Архив археологической научной документации ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». Арх. № 965.

Копытин В. Ф. Отчет об археологических работах на территории Верхнего Поднепровья в 1975 году // Архив археологической научной документации ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». Арх. № 508.

Ободенко Ю. В. Отчет по археологическому обследованию территории Ветковского района Гомельской области в 1992 г. Т. 1 // Фонды ГомДПА. Гомель, 1993.

Ободенко Ю. В. Отчет отделу археологии Института истории АН РБ по археологической разведке на территории Гомельской области в 1996 г. Т. 1: Кормянский, Ветковский, Добрушский районы // Фонды ГомДПА. Гомель, 1996.

A. V. Kolosov

ABOUT SETTLING OF THE BASIN OF THE SOZH RIVER IN THE LATE-GLACIAL PERIOD

In this paper, characterization is presented of materials concerned with the problem of settlement of the region in question during the final Palaeolithic (14 (12) – 10 millennia years BC). On the basis of methods of comparative typological and technological analysis, the present author has distinguished three groups of sites. The first group is arbitrarily attributed to the technological complexes with the tanged and leaf-shaped arrowheads (25 find-spots). Some particular sites display a resemblance to the cultural tradition of Bromme-Lingby (Klenki-5, Pervokrichevsky-3 and Chemernya).

The second group of sites is represented by artefacts of the Grensk culture. In the region of the Sozh River, now ten sites of this culture are known. The specifics of the Grensk culture are displayed in the technique of working flint, based on the use of firm strike, and the forms of tools made from blanks in the form of flake and blade-flake, or more rarely blade. Arrowheads constitute two main groups: tanged and asymmetrically tanged points with an oppositely positioned lateral recess ("Grensk type").

Of the third group of sites, artefacts of the Swiderian culture are characteristic. In the basin of the Sozh River, 22 sites have been revealed with the classical for the Swiderian culture bidirectional cores for making blades, as well as the flake blanks proper. The latter are of a regular shape and some had been used for making tools. Among the tools from the Sozh sites there are blades with a bevelled distal end and arrowheads with a distinct or poorly identifiable tang with a peculiar flat retouch on the ventral face.

Appended to this paper is a catalogue of sites of the Final Palaeolithic period (totally 47 sites are included) known by now in the Sozh area. The catalogue presents a topographical description of each archaeological site with notes on its present-day geographic and administrative situation, a brief characterization of the finds, their chronological and cultural belonging, the history of the site's investigations with reference to respective publications.

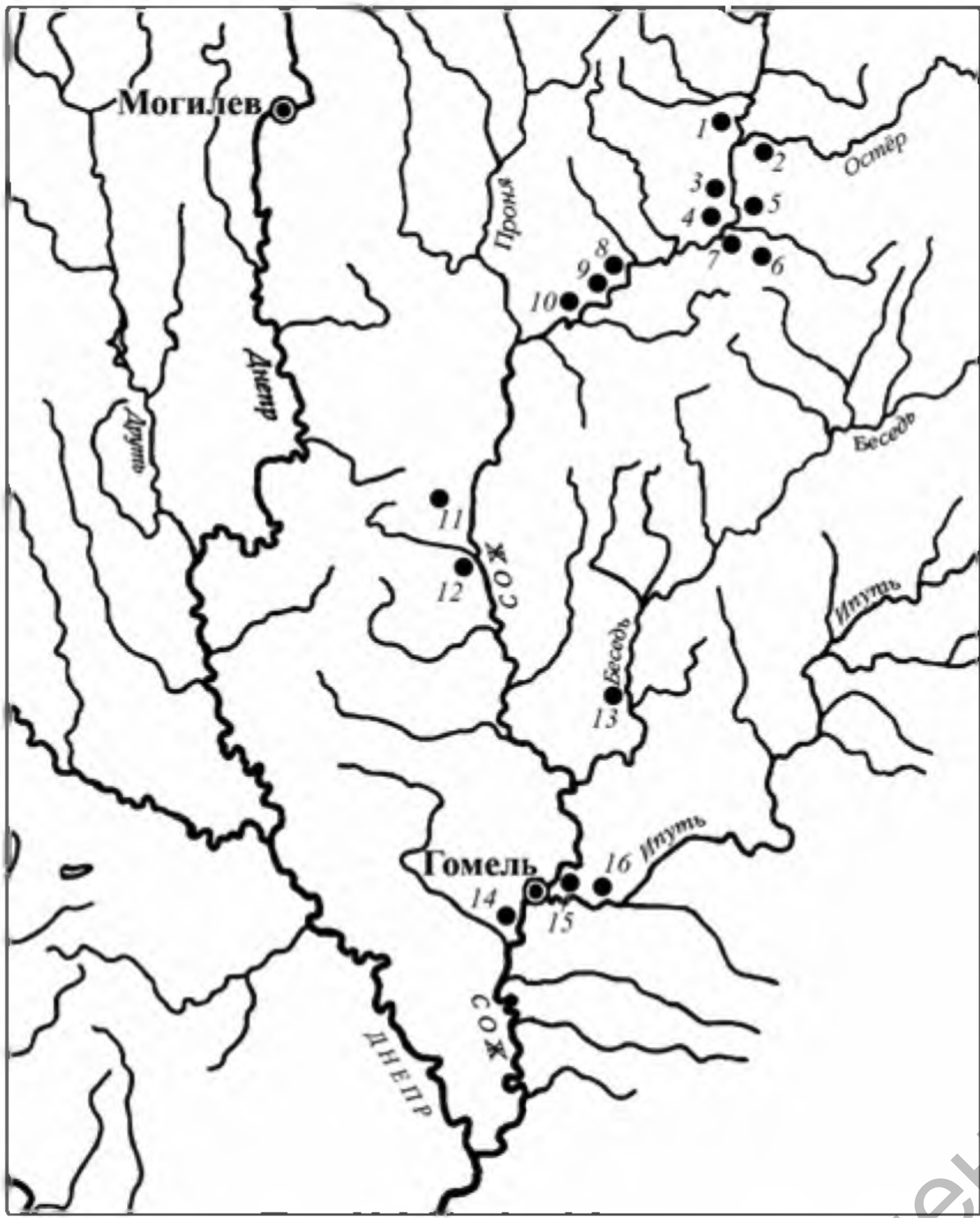

Рис. 1. Карта технокомплексов с листовидными и черешковыми наконечниками стрел в бассейне р. Сож:
1 — Лобковичи; 2 — Дяговичи; 3 — Первокривевский-3; 4 — Поклады-1, 5; 5 — Рудня-1 (Климовичский р-н); 6 — Вознесенск (Муравец); 7 — Борисовичи-1, 3; 8 — Чериков-5, 8; 9 — Горки (Угаревка); 10 — Баков-1, 1А, 3; 11 — Остров-1, 2; 12 — Ворновка (Подмосковщина); 13 — Чемерня; 14 — Осовцы-4 (Уза); 15 — Кленки-2, 5, 6, 7; 16 — Романовичи-1

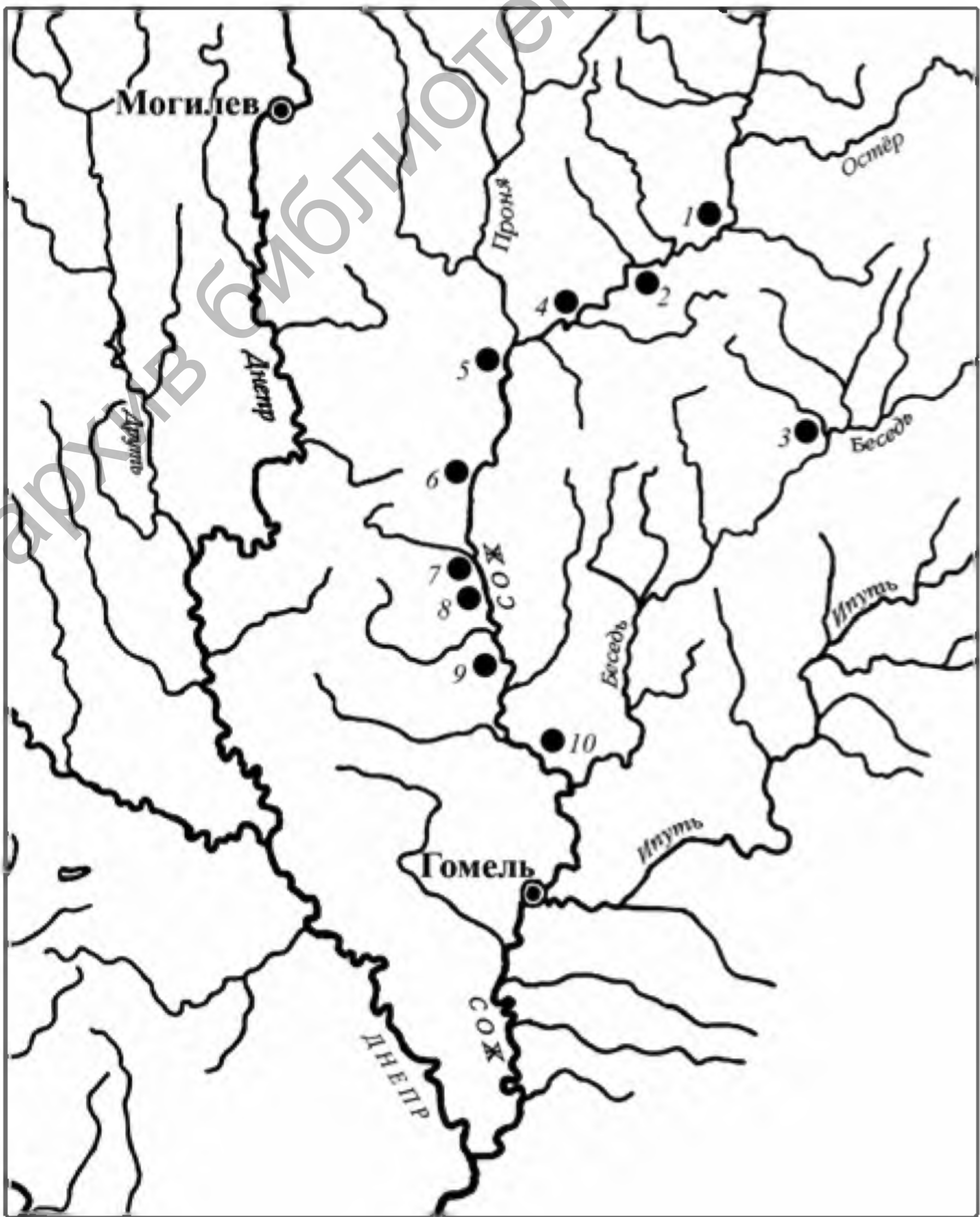

Рис. 2. Карта памятников гренской культуры в Посожье: 1 — Поклады-2; 2 — Гронов-1; 3 — Гайоковка (Печенеж); 4 — Журавель; 5 — Рудня (Славгородский р-н); 6 — Литвиновичи (Телец); 7 — Ворновка (Гренск); 8 — Турищевичи; 9 — Подлужье-3; 10 — Пролетарский-1А

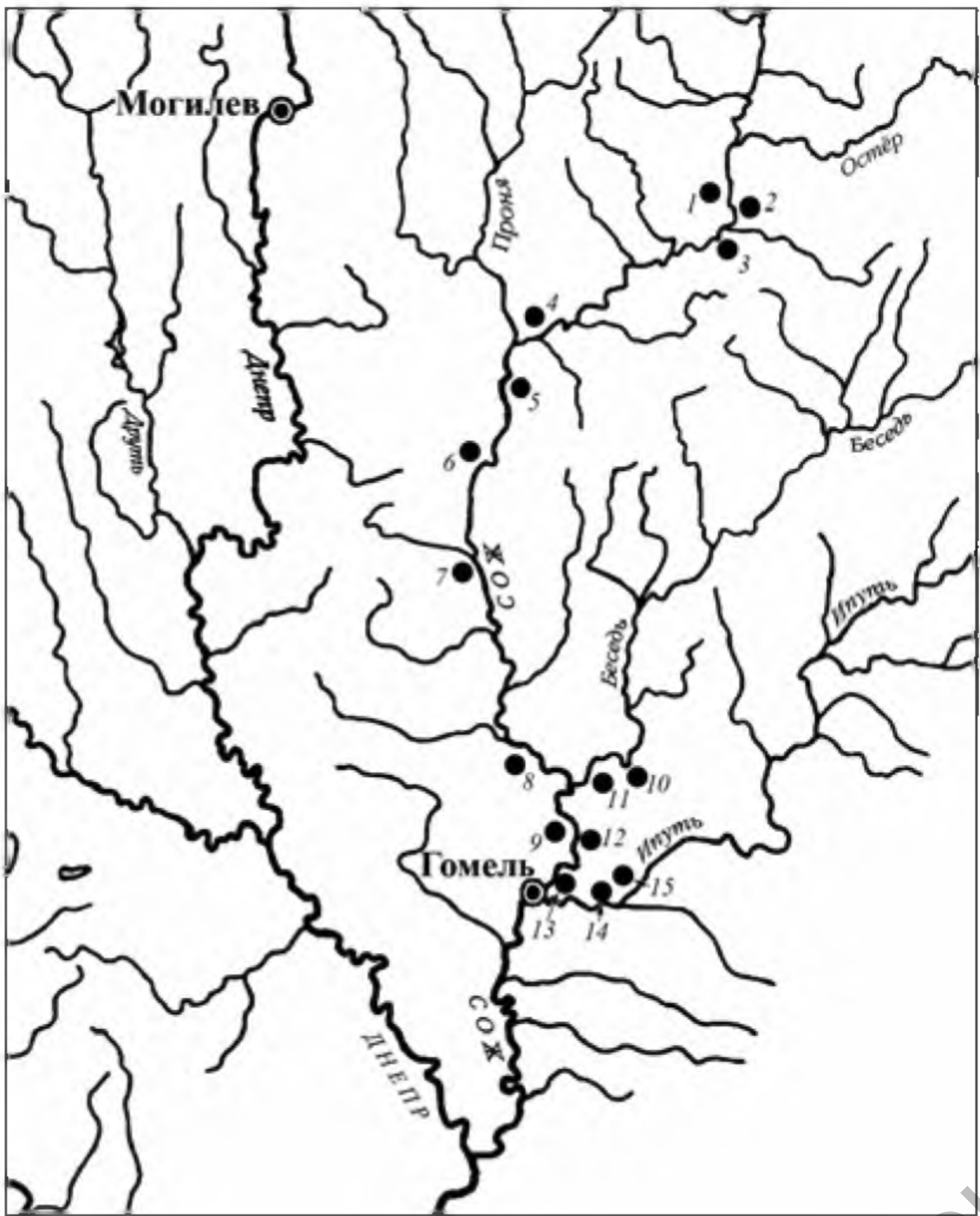

Рис. 3. Карта памятников свидерской культуры в бассейне р. Сож: 1 — Первокривевский-3; 2 — Рудня-1 (Климовичский р-н); 3 — Борисовичи-1, 3; 4 — Александровка (Толкачевка); 5 — Папоротки; 6 — Костюковка (Взлужье); 7 — Ворновка (Гренск); 8 — Присно; 9 — Старое Село-6; 10 — Новые Громыки (Аврамов Бугор); 11 — Бартоломеевка; 12 — Кленки-1, 3, 4, 5, 8; 13 — Рудня Споницкая-1 (Латки); 14 — Романовичи-1; 15 — Залядь-1, 2

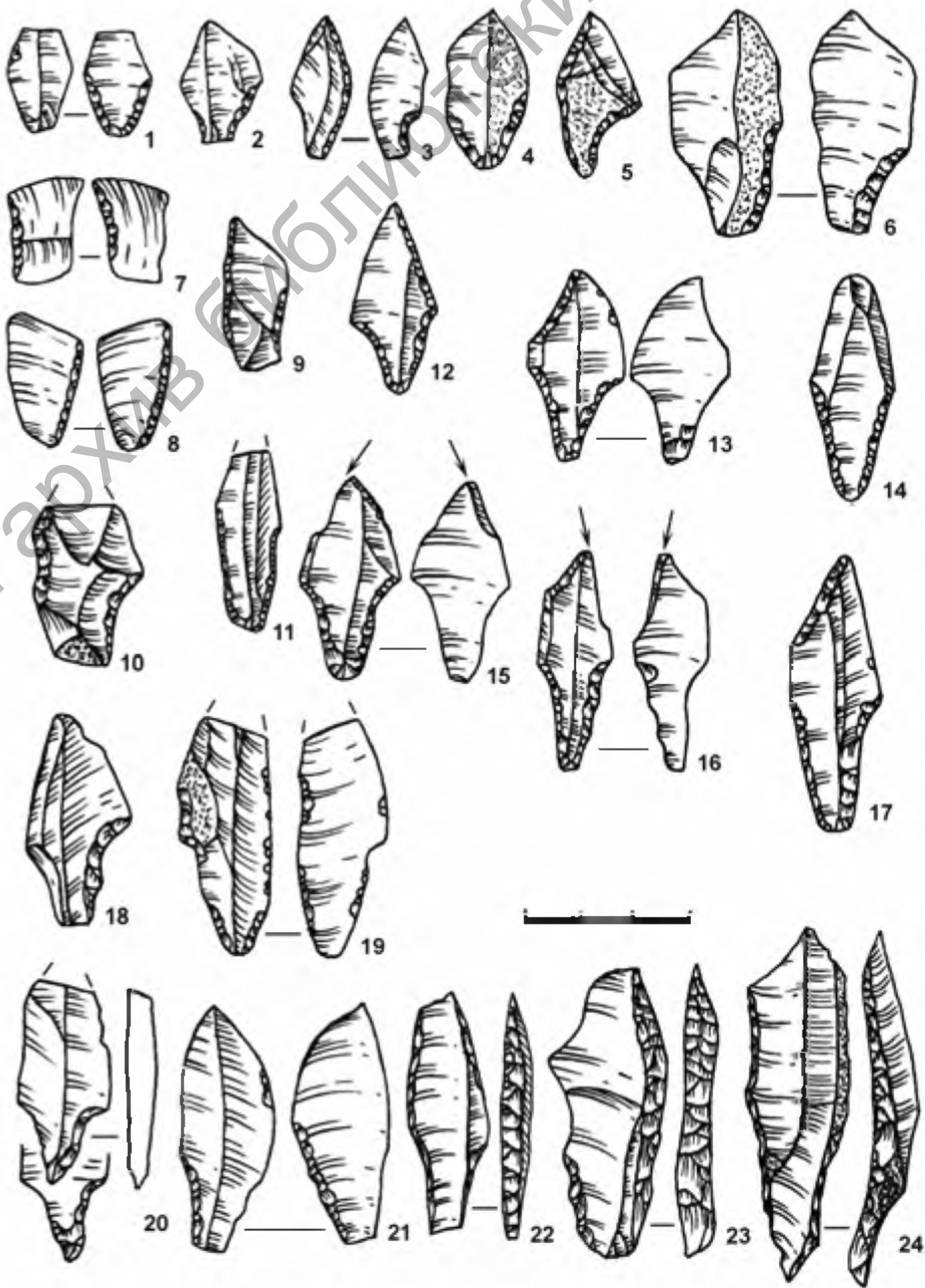

Рис. 4. Ворновка (Гренск): 1–6, 9–24 — наконечники стрел; 7–8 — трапеции (1–19, 21–24 — по материалам исследований В. Копытина; Копытин, 1994; 20 — поверхностные сборы А. Колосова, 2005 г.)

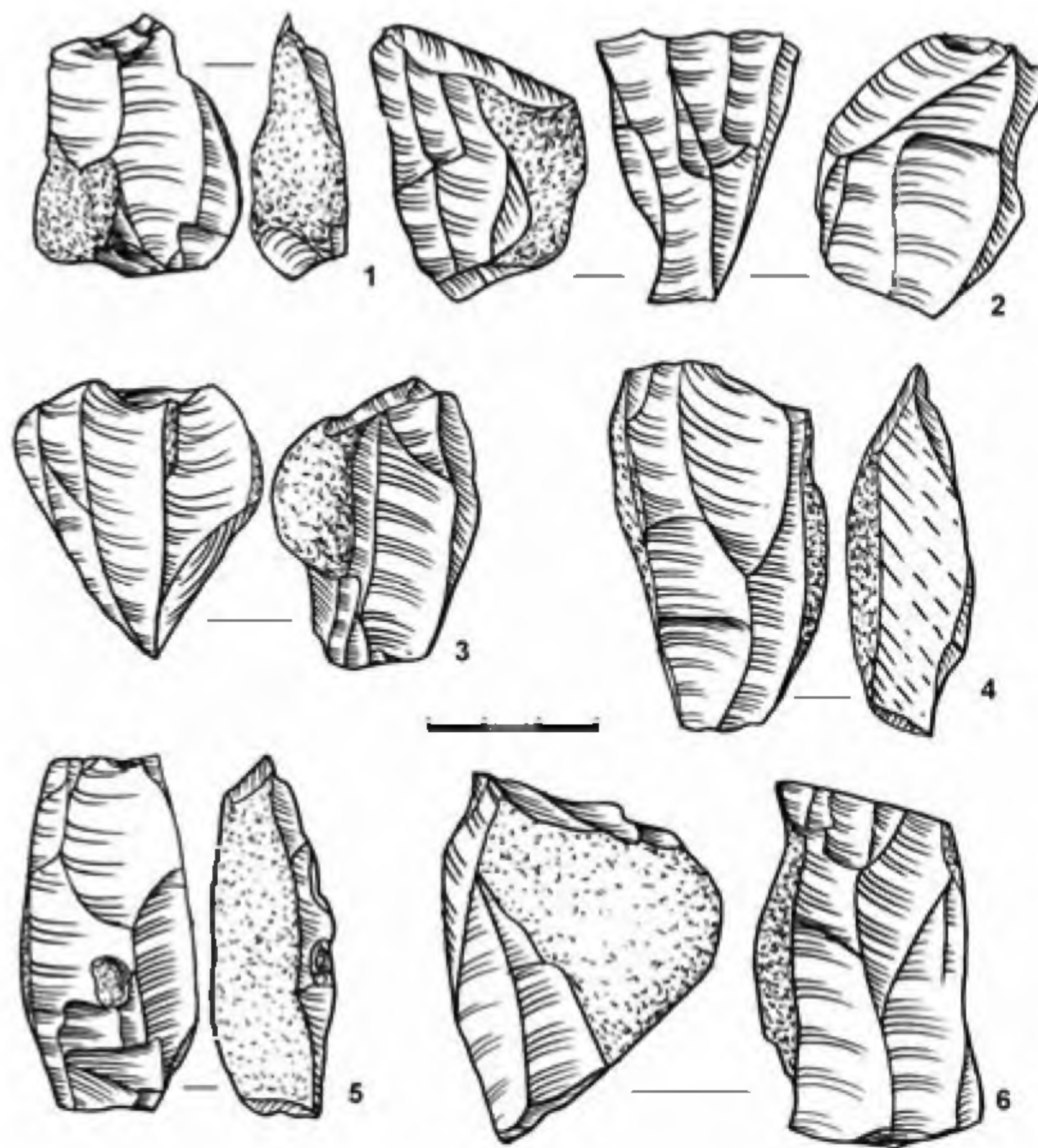

Рис. 5. Журавель: 1–6 — нуклеусы (по материалам исследований В. Копытина; Копытин, 1986)

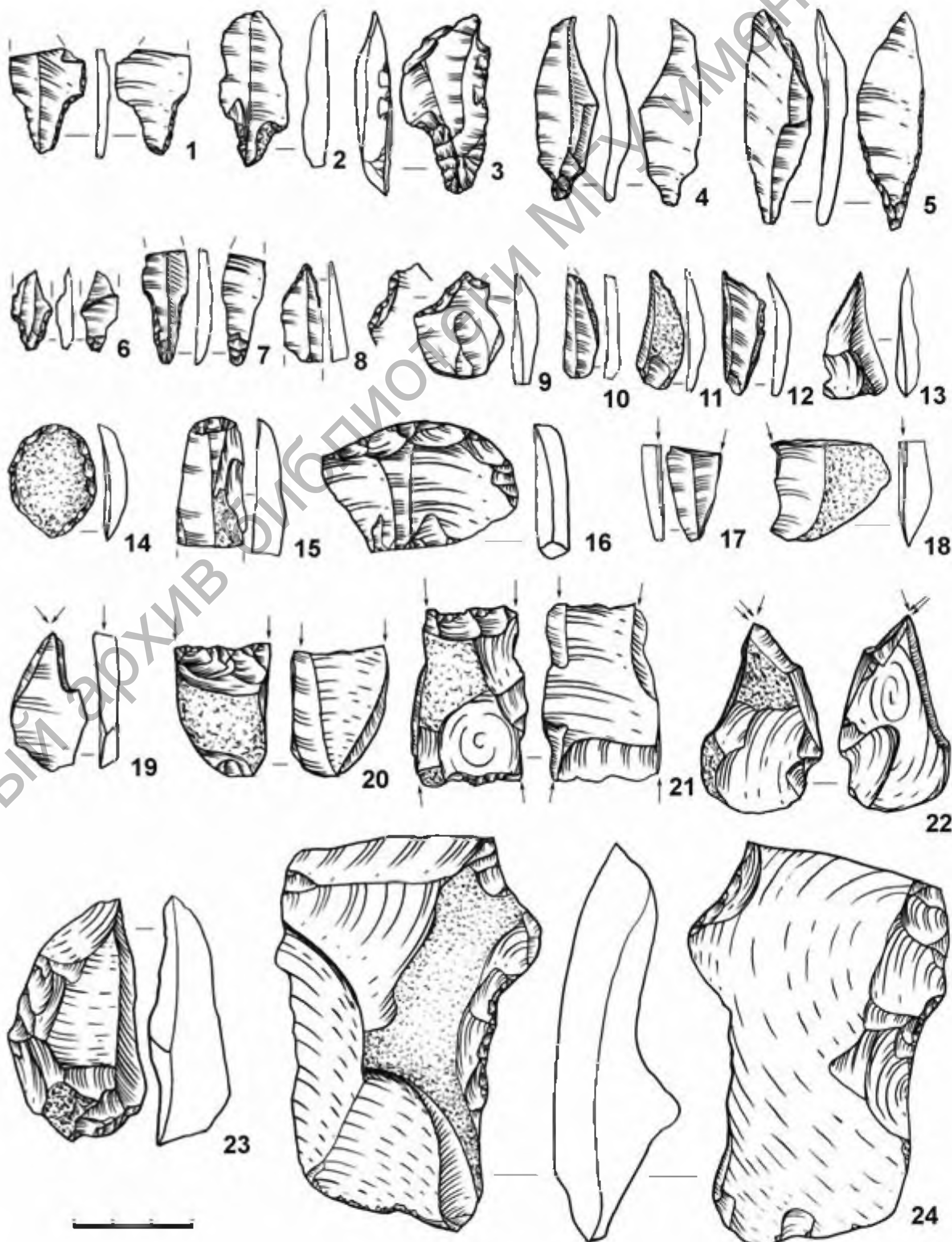

Рис. 6. Журавель: 1–7 — наконечники стрел; 8–9 — проколки;
10–13 — пластины с ретушированным концом; 14–16 — скребки; 17–22 — резцы;
23–24 — рубящие орудия (по материалам исследований В. Копытина; Копытин, 1986)

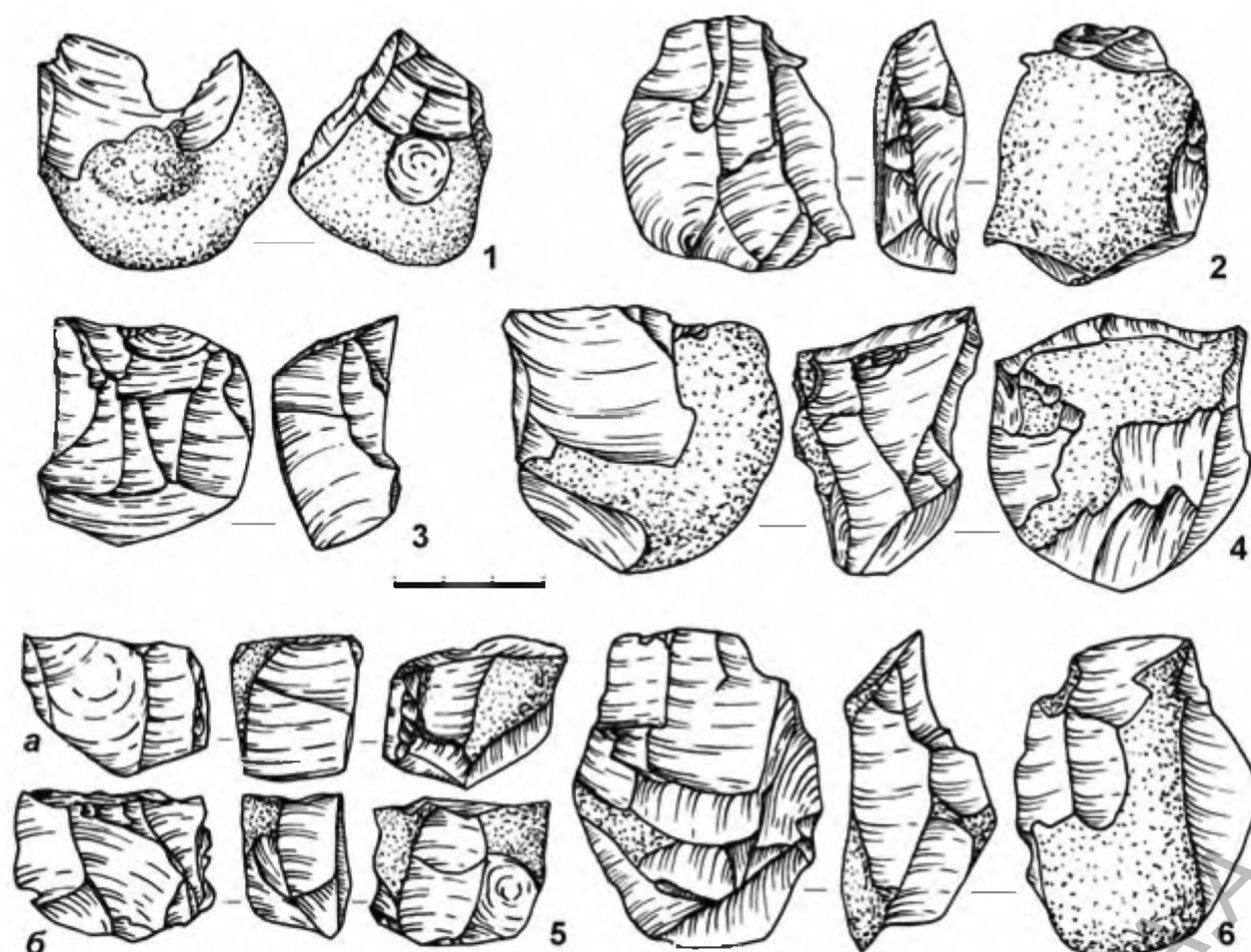

Рис. 7. Поклады-2: 1–6 — нуклеусы (по материалам исследований А. Колосова; Колосов, 2005б)

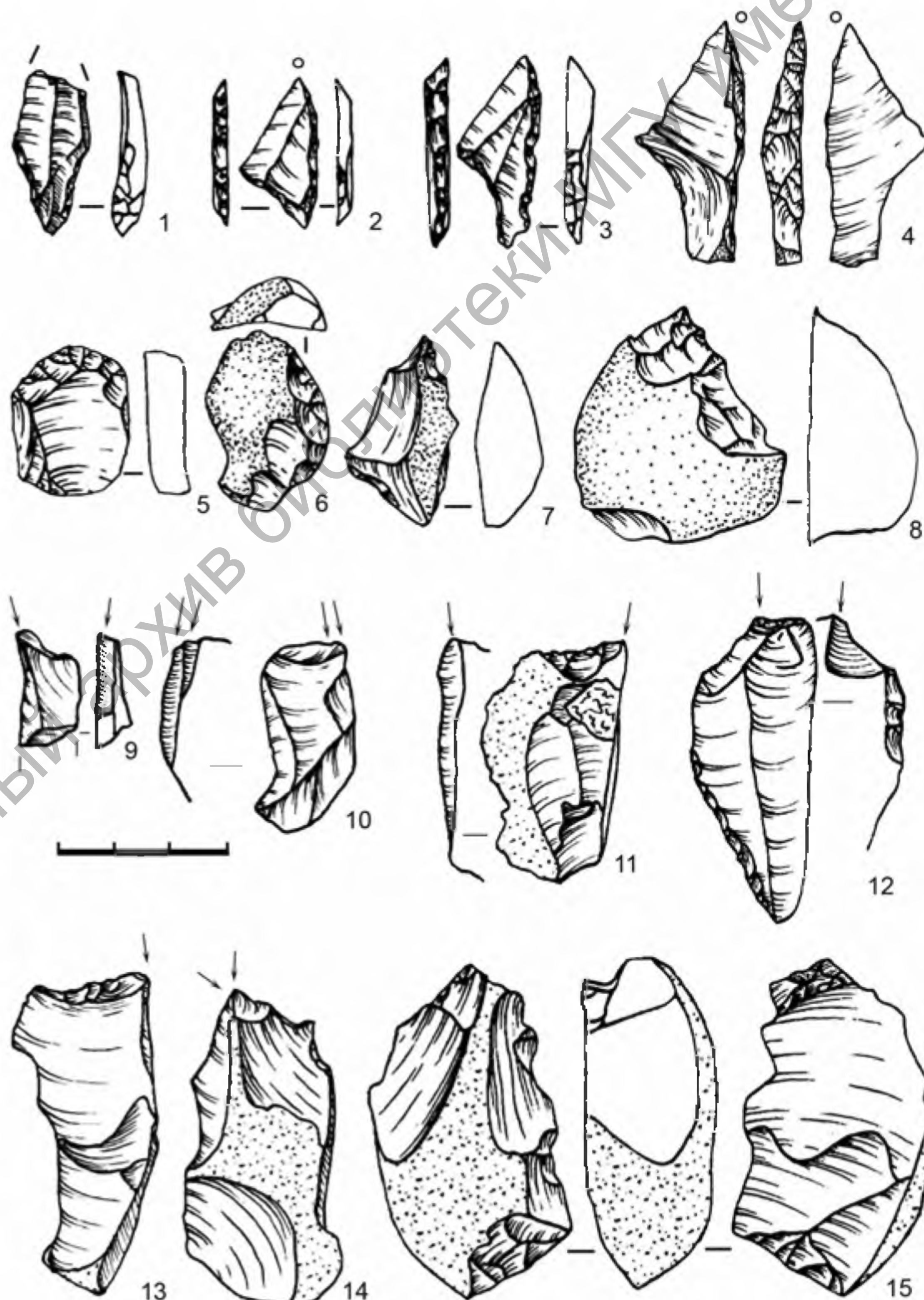

Рис. 8. Поклады-2: 1–4 — наконечники стрел; 5–6 — скребки; 7–8 — проколки; 9–14 — резцы; 15 — рубящее орудие (по материалам исследований А. Колосова; Колосов, 2005б)

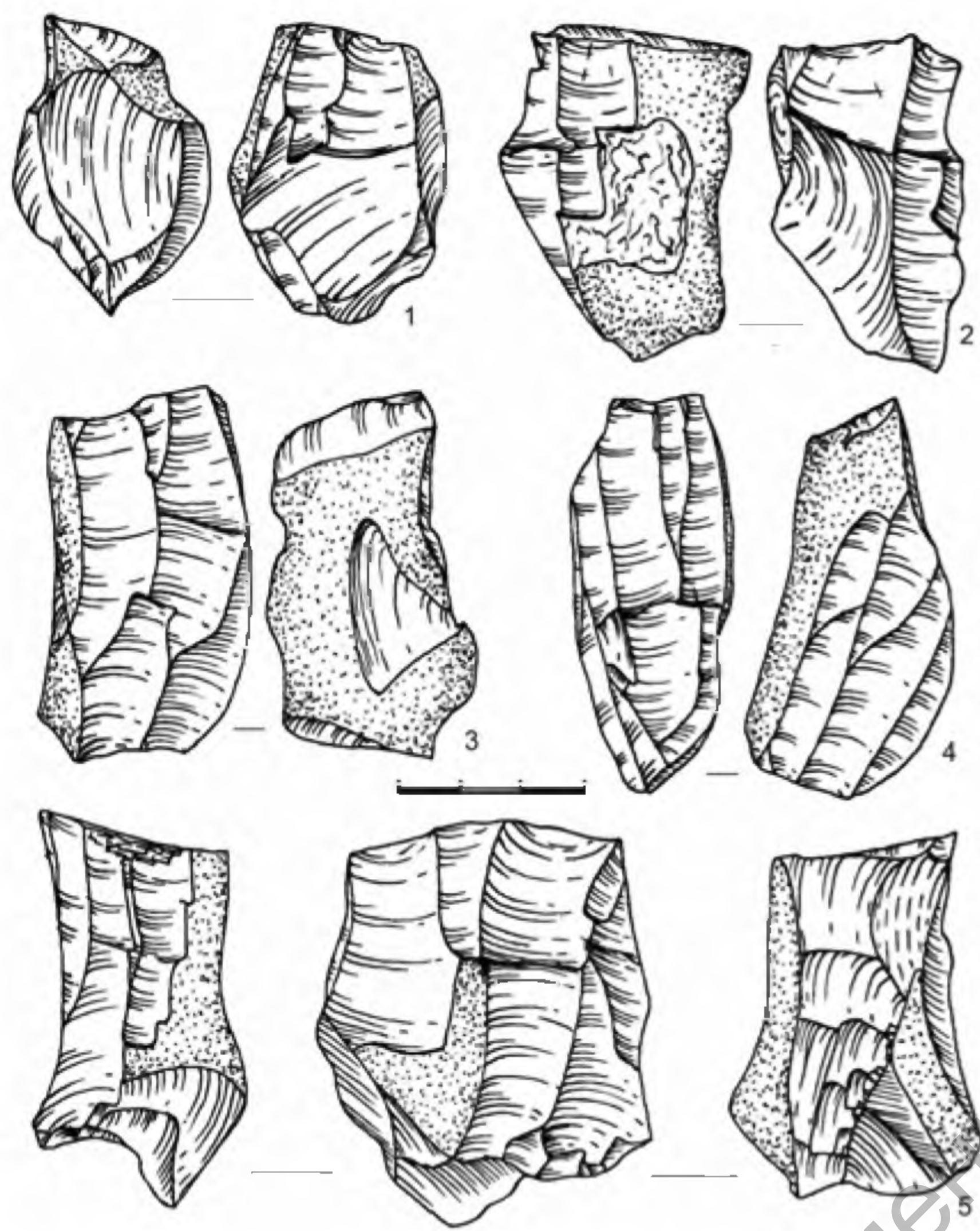

Рис. 9. Турищевичи: 1–5 — нуклеусы (поверхностные сборы А. Колосова, 2006 г.)

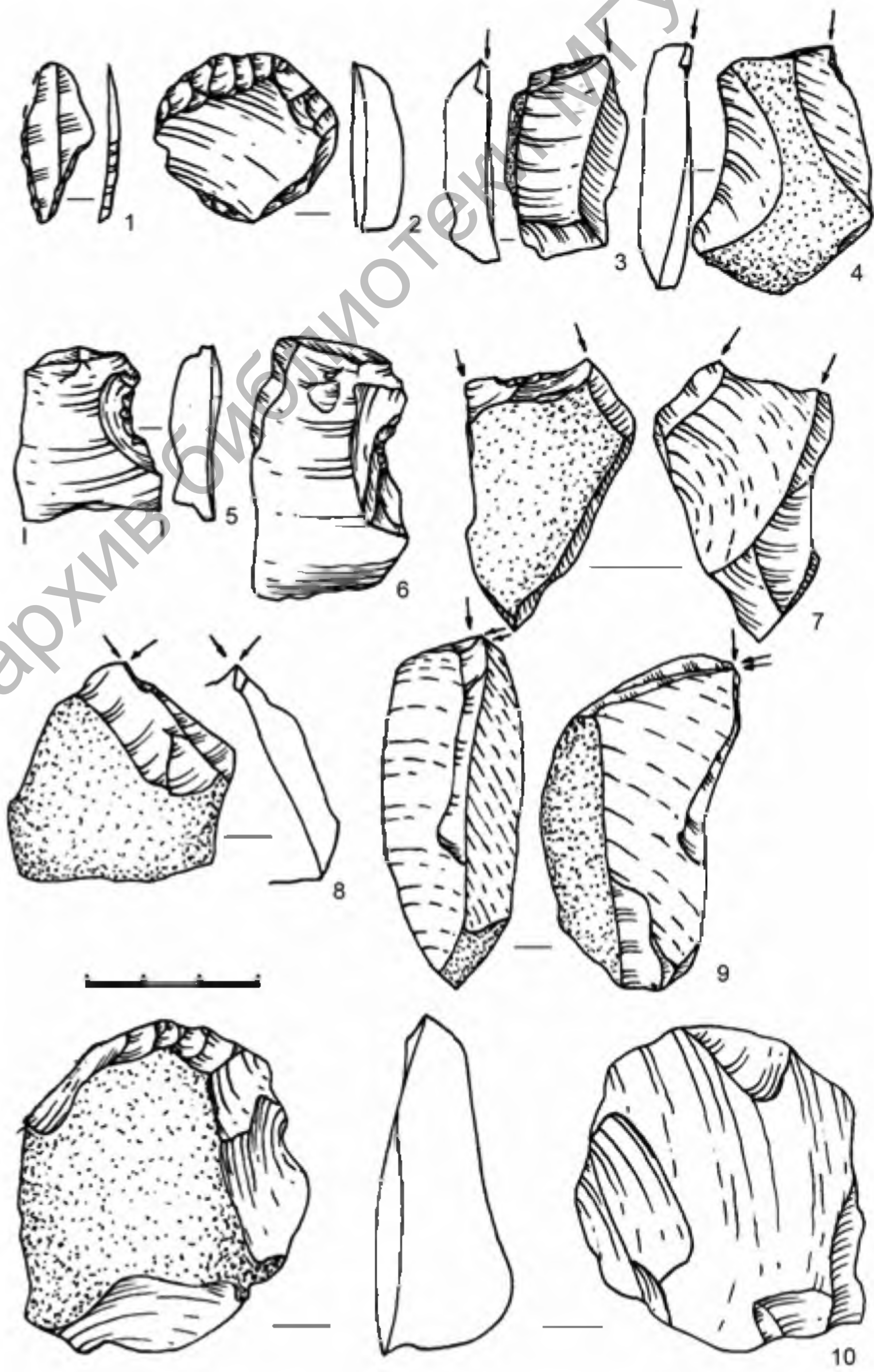

Рис. 10. Турищевичи: 1 — наконечник стрелы; 2 — скребок; 3–4, 7–9 — резцы; 5–6 — изделия с выемкой; 10 — скребловидное изделие (поверхностные сборы А. Колосова, 2006 г.)

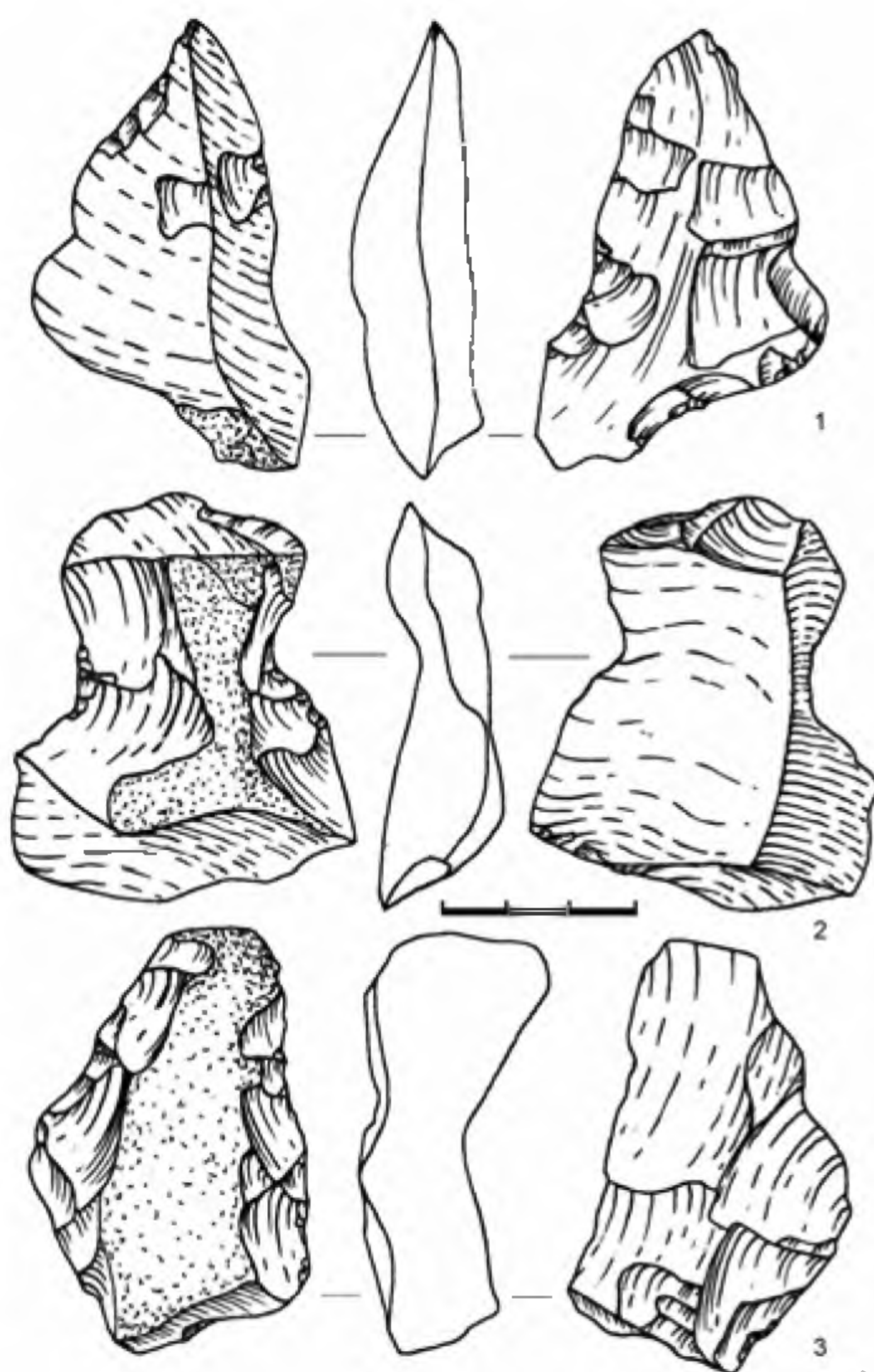

Рис. 11. Турищевичи: 1–3 — рубящие орудия (поверхностные сборы А. Колосова, 2006 г.)

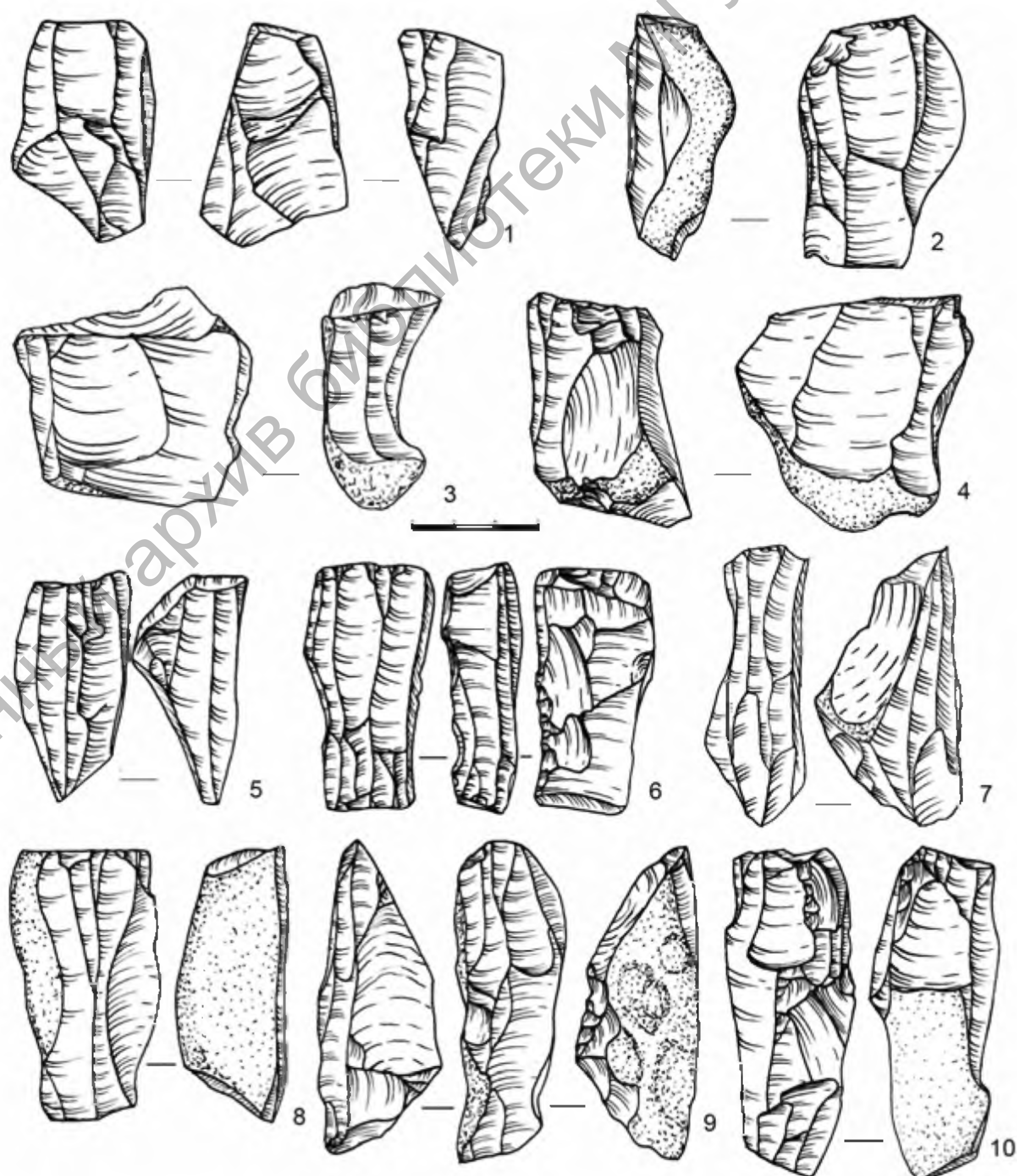

Рис. 12. Первокривский-3: 1–10 — нуклеусы
(по материалам исследований А. Колосова; Колосов, 2009а)

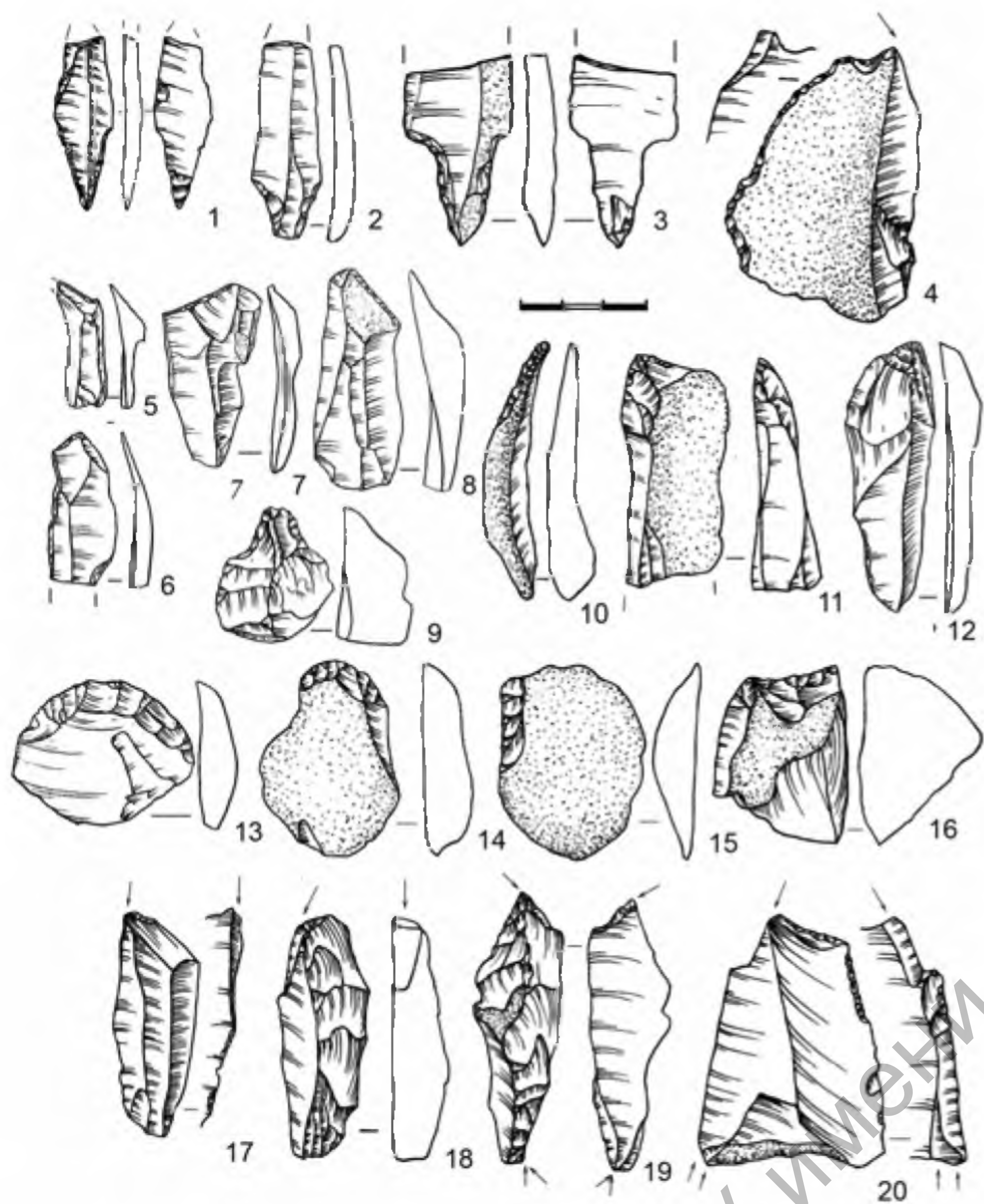

Рис. 13. Первокричевский-3: 1–3 — наконечники стрел; 4, 17–20 — резцы; 5–8 — пластины с ретушированным дистальным концом; 9–10 — перфораторы; 11–12 — остря; 13–16 — скребки (по материалам исследований А. Колосова; Колосов, 2009а)

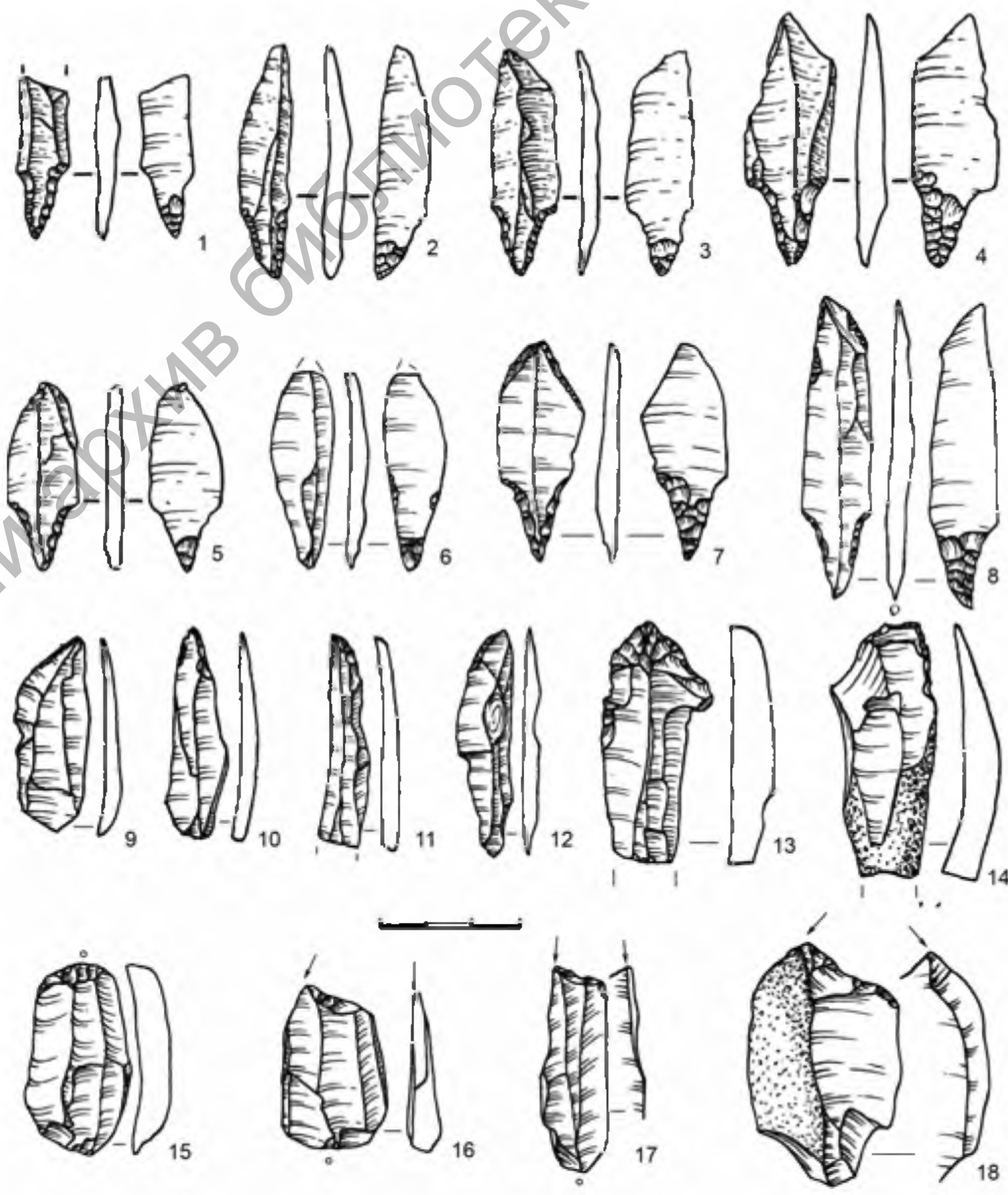

Рис. 14. Горки: 1–8 — наконечники стрел; 9–14 — остря; 15 — скребок; 16–18 — резцы (по материалам исследований В. Копытина; Копытин, 1992)